

Елена Медведева

Александр Медведев

**КАК ПОЯВИЛАСЬ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА
И ВОЗМОЖНА ЛИ ОНА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ?**

УДК 338.242
ББК 65.011.3
М42

Елена Медведева, Александр Медведев

Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России

Елена Медведева, Александр Медведев.- М.: М-Студио, 2010. – 92 с

Почему рыночные реформы в нашей стране дают непредсказуемые результаты? Почему западные категории выглядят у нас как пиджак с чужого плеча? Возможна ли рыночная экономика в современной России? Чтобы найти ответы на эти вопросы для себя, авторы обратились к истории экономики, начиная с самых ранних ее этапов. Оказалось очень интересно проследить, как экономические отношения вырастали из отношений в дикой природе и в первобытном человеческом обществе.

Ключевыми для понимания проблемы стали идеи философа, культуролога, историка науки М.К. Петрова (1924-1987). М.К. Петров разработал концепцию, согласно которой на протяжении истории человечества можно выделить три типа общества. Каждому из них соответствует свой культурный код, охватывающий все стороны жизни, и переход от одного типа к другому сопровождается глубокими изменениями.

Применение этих идей к области экономики позволяет понять, что рыночная экономика свойственна обществу с универсально-понятийным кодом, в то время как традиционное сословное общество с наследственно-профессиональным кодом устроено по совершенно другим правилам. Надежда на «невидимую руку рынка» не может оправдаться там, где все элементы общественной системы этой «руке» противодействуют.

Экономические реформы в России 90-х годов прошлого столетия в очередной раз оказались половинчатыми, потому что их пытались проводить чисто техническими методами. В ближайшее время можно ожидать, что страна вновь окажется перед необходимостью таких реформ. Что будет им мешать? Что, напротив, может им способствовать? Читателям предлагается материал для размышления.

При поддержке Института экономики переходного периода и журнала «Вопросы экономики».

ISBN 978-5-903198-22-1

Медведев А. Медведева Е., 2010

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Глава 1. Магическая сила вождя	9
Глава 2. Сословное общество	13
Глава 3. Пиратский корабль - колыбель европейской цивилизации	18
Глава 4. Древние Афины: государство и свобода (IX - VI вв. до н. э.)	24
Глава 5. Воинственная Спарта	29
Глава 6. Как появилась денежная экономика	33
Глава 7. Средний класс и гражданское общество	37
Глава 8. Образование, которое делает нас европейцами	44
Глава 9. Что такое Европа?	49
Глава 10. Англия: путь, который привел к индустриальному обществу	55
Глава 11. Россия между Западом и Востоком	67
Глава 12. Социализм в СССР	71
Заключение. Возможна ли рыночная экономика в современной России?	79
Рекомендуемая литература	85

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда царь Петр I задумал превратить Россию в Голландию, он твердо знал, что нужно делать: сбрить патриархальные бороды, пить кофей, курить табак - и все будет, как у них. «Как у них» не вышло, но с тех пор русский человек время от времени поглядывает в сторону Запада и вздыхает: хорошо живут, нам бы так! И почему это не получается их догнать? Курить вроде курим, как завещал Великий Петр, да так, что за нашу «Приму» за границей арестовывают, как за оружие массового поражения в общественном месте. И тракторов с комбайнами на душу населения у нас было больше всего в мире, и кукурузу за Полярным кругом сажали...

А может быть, и не нужны нам эти западные рецепты? Россия - не Голландия и не Америка, у нас свои традиции, свой путь. Споры западников со славянофилами продолжаются вот уже почти два столетия, и конца им не видно. Но когда-то славянофилы искали особый русский путь, потому что были убеждены в неповторимом своеобразии каждой национальной культуры. Для нынешних же «славянофилов» любой путь хорош, лишь бы он не вел на Запад.

И вот они поворачиваются к Европе спиной и видят далеко на Востоке страну своей мечты. Вот видите, говорят нам, нужно и в России не реформы затевать, а пойти по китайскому пути - пусть у власти стоит единственная несменяемая партия, а население ради экономического роста побольше трудится и поменьше требует для себя.

Но, несмотря на завораживающие цифры роста показателей, средний уровень жизни в Китае пока еще значительно ниже российского. Партия управляет страной так же жестко, как управляли средневековые мандарины. Тех, кто недостаточно старательно трудится в поле, по-прежнему наказывают палочными ударами по пяткам, бунтовщиков - расстреливают. В переполненных городах люди готовы браться за любую работу. В зданиях школ вечером и ночью работают полукустарные цехи, в которых производят электрические батарейки, игрушки или тапочки. Частнопредпринимательская деятельность больше не запрещена, но капиталисту надежнее иметь в кармане партбилет. Темный китель - маоцзедуновка, как повседневная практичная одежда, не вышел из моды и сейчас, а велосипед остается самым популярным видом транспорта.

Пройдет немало лет, прежде чем Китай достигнет процветания. Но каким будет это процветание в стране, где всегда придерживались принципа: «Государство сильно,

если народ беден; когда народ богатеет, государство становится слабым»? В общем, китайцами можно восхищаться, однако завидовать им не стоит.

И несмотря на то, что наша страна многим отличается от Запада, к нему мы гораздо ближе, чем к Китаю. Но почему же западные категории выглядят у нас как пиджак с чужого плеча? Почему рыночные реформы в нашей стране дают непредсказуемые результаты?

В 90-х годах авторам этой рукописи - филологу и биофизику - пришлось снова сесть за учебники, и очень скоро у нас возникло ощущение, что применение и западных экономических теорий, и тем более практических рецептов в российских условиях очень ограничено. В переводных учебниках было одно, а в жизни все выглядело совершенно иначе. Затем мы убедились, что такое недоумение появляется и у других людей, непосредственно участвующих в экономической деятельности, - предпринимателей, менеджеров, бухгалтеров.

Несовпадение теории с окружающей действительности было явно не случайным. В нем чувствовалась какая-то своя логика, и эту логику нужно было понять. Один из важнейших ключей к ее пониманию обнаружился в только что вышедшей тогда (в 1995 году) работе М. К. Петрова «Пираты Эгейского моря и личность» и в его же книге «Язык, знак, культура».

Михаил Константинович Петров (1924 - 1987) - философ, культуролог, историк науки. В годы Великой Отечественной войны был разведчиком на Ленинградском фронте. Защитил первую в Советском Союзе науковедческую диссертацию «Философские проблемы науки о науке». Первым перевел на русский язык роман Дж. Оруэлла «1984». В 1965 г. был исключен из КПСС «за антипартийные взгляды» (крайне серьезное наказание по тем временам), а в 1970 г. после одной из публикаций уволен из Ростовского университета «за невозможность использования на преподавательской работе по философии». Оставшиеся семнадцать лет жизни он провел в фактической ссылке - числился в штате Высшего Северокавказского научного центра с условием *не участвовать в работе*. Наиболее значительные его труды напечатаны посмертно.

М. К. Петров предложил концепцию, согласно которой на протяжении истории человечества сменяют друг друга три типа общества. Каждому из них соответствует свой культурный код, охватывающий религиозные представления и правосознание, отношения родства и технологические навыки. Один из этих кодов присущ

первобытному обществу, второй появился в глубокой древности, когда возникли города, стали развиваться ремесла и государственная власть. Этот код определял и до нашего времени продолжает определять собой жизнь всех цивилизованных обществ, за исключением одного региона - Европы.

Третий код был впервые выработан в античной Греции. Благодаря его усвоению в Европе Нового времени возникло общество с рыночной экономикой и демократическим строем, стали возможными научная революция и технический прогресс, благосостояние и бытовые удобства. Современную Европу создало не столько естественное историческое развитие населяющих ее народов, сколько греческая «пайдейя» - то, что сегодня называется образованием и культурой, а затем также римское право и христианская религия.

Рыночная экономика, которая с таким трудом приживается в современной России, возникла не по чьему-то злому умыслу - она является частью европейского культурного кода. Там, где отсутствуют другие составляющие этого кода, рыночная экономика успешно развиваться не может. Это, в частности, показал перуанский экономист Эрнандо де Сото, много лет изучавший опыт стран Азии и Латинской Америки.

Западные учебники не совпадают с нашей действительностью, во-первых, потому что они описывают товарно-денежные отношения в индустриальном обществе, которое существует в Европе только 200 - 300 лет. Иррациональные следы прошлых исторических состояний до последнего времени воспринимались экономической наукой всего лишь как препятствие на пути развития. Даже историю экономики (как области деятельности) принято начинать с Древней Греции классического периода, как будто до этого ничего не было. Хозяйственная деятельность традиционного общества, определяемая как «нерыночная экономика», никем из экономистов не изучалась как система. Но нам в России, где нерыночная экономика до сих пор преобладает, не обойтись без понимания ее закономерностей.

С другой стороны, культурный код своей цивилизации обычный европеец считает чем-то само собой разумеющимся. Россияне же, как и другие неевропейцы, предпочитают не вдаваться в его изучение, а рассуждать о безнравственности Запада и бесплодности его рационализма. Между тем этот код не менее увлекателен, чем ставшие уже частью массовой культуры тайны Востока. И без представления о нем мы также ничего не поймем в нынешних российских трудностях.

Для того, чтобы уточнить наметившуюся картину, авторам пришлось обращаться к трудам не только экономистов, но и философов, историков, этнографов, специалистов по античной филологии, биологов. Некоторые из этих источников перечислены в списке использованной литературы. Кроме уже названных работ М. К. Петрова, особенно ценной для нас была книга М. Л. Гаспарова «Занимательная Греция».

В предлагаемой серии очерков мы проследим, как складывалась экономика традиционного общества, затем речь пойдет о возникновении европейской цивилизации и о том, что отличает эту цивилизацию от других. И наконец, мы рассмотрим, как проявлялись черты того и другого культурного кода в российской истории - от времен Киевского государства до недавнего «развитого социализма». Все это поможет увидеть, что мешает рыночным отношениям в современной России и что случится с нами, если мы от этих отношений откажемся.

Мы хотим обратить внимание читателей на то, что не предлагаем рецептов для немедленного исполнения. Наши заметки носят скорее историко-культурологический характер.

Авторы благодарят всех, кто читал эту рукопись в процессе ее подготовки и проявил к ней интерес. Особая благодарность доктору экономических наук, профессору МГУ В. А. Мельянцеву, высказавшему ряд ценных замечаний.

В дикой природе экономических отношений еще, разумеется, нет. Животные потребляют то, что находят на своей кормовой территории, но сами на появление на ней биоресурсов сознательно не влияют. Между популяциями одного вида даже самых высокоорганизованных животных нет и сознательного обмена ни пищей, ни какими-либо предметами, ни брачными партнерами. Но внутри этих популяций уже складываются такие отношения, которые живо напоминают некоторые стороны отношений людей в первобытном племени.

Сообщество животных, например стая обезьян, скрепляется отношениями доминирования и подчинения. Стаю возглавляет вождь - взрослый и сильный самец, и по своему положению он имеет право на лучшие куски пищи и на «гарем» самок. Человек может называть разные причины того, почему он хочет успеха и признания в обществе, он может добиваться этого успеха, забывая про еду, отдых и нормальную семейную жизнь. У животных все проще - от статуса особи внутри стаи напрямую зависит количество и качество пищи, которую она получает, и количество потомства, которое ей удастся оставить.

Нередко у самцов животных имеются органы, которые помогают им и утверждать себя в «мужском обществе», и привлекать самок. Роскошная грива льва не позволяет ему охотиться, но необходима для обольщения львиц. Те загоняют дичь и затем покорно ждут, пока их повелитель насытится. Разве может быть иначе - ведь он такой красавец! Льву приходится демонстрировать свою физическую силу только тогда, когда его прайду угрожает опасность.

Статус обезьяны-носача определяется размерами отвислого выроста на носу, и старым самцам приходится отодвигать рукой это украшение, чтобы поесть. Этот вырост - резонатор звука, необходимый в спорах за лидерство. Поединки у носачей проходят так: самцы усаживаются нос к носу и начинают орать что есть сил. Чем больше нос, тем громче крик; кто громче кричит, тот и победитель. Самцы южноамериканской обезьяны саймири угрожают противнику, распрямившись во весь рост и демонстрируя половой член.

В некоторых случаях у животных появляются и внешние признаки статуса, и эти признаки гораздо больше зависят от ума и способностей особи, чем от физических данных. У шимпанзе только самцы высших рангов громко барабанят по стволам деревьев, предупреждая: это моя территория, плоды здесь рву я! Но если право

производить шум принадлежит лидеру, то можно и стать лидером, если осмелиться шуметь. Известный специалист по диким обезьянам Джейн ван Лавик Гудолл описала случай, когда молодой шимпанзе сумел распорядиться брошенными людьми жестяными бидонами. Бросая их с грохотом и колотя друг об друга, бывший аутсайдер добился совершенно исключительной власти и уважения в своей стае.

Вообще у шимпанзе ум и дипломатические способности приносят успех гораздо больше, чем грубая сила. Нередко претендент на звание вожака проводит настоящую агитационную кампанию: подбадривающе хлопает по плечу младших самцов, на виду у всей стаи берет на руки и ласкает детенышей, чтобы завоевать расположение самок.

И люди, как свидетельствуют данные раскопок, очень рано начали использовать предметы, которые служили внешними признаками их силы и статуса. Эти предметы можно было находить в природе, накапливать, одаривать ими членов своей группы или обмениваться с соседями. Обладание ими занимало важное место в представлениях о магической силе вождя, благополучии племени и связи живых людей с потусторонним миром.

Среди орудий труда, изготовленных из прочного делового камня, на стоянках первобытных людей нередко встречаются и другие - выполненные из красивых минералов. По прочности рубила из полудрагоценного халцедона, яшмы и цветного кварца не могли не уступать настоящим, кремниевым или обсидиановым, но, судя по всему, ценились такие инструменты выше обычных. Они служили не практическим, а ритуальным и престижным целям. Как показатель статуса имели значение и другие предметы, изготовленные руками людей, - одежда, татуировка на коже, ожерелья из зубов убитых животных.

Но не всегда племя могло добывать на своей территории камень для орудий, пищевую соль или хотя бы соленосные растения, краску, употреблявшуюся в ритуалах. Эти ценности передавались иногда на очень дальние расстояния, но прежде всего от племени к племени «двигались» редкие, красивые, магические предметы: морские раковины, янтарь, золотые самородки, цветные перья, слоновая кость. Археологами замечено: чем дальше от места добычи или изготовления предметов обмена, тем больше они использовались не по прямому назначению, а как воплощение престижа и роскоши. Рядом с месторождением обсидиан, или вулканическое стекло,

служил для изготовления орудий труда, а там, где заканчивались цепочки обмена, - исключительно как сокровище; при этом на топоры и стрелы шел местный камень попроще. Впоследствии то же самое повторяется и с керамическими сосудами, и с тканями, и со многими другими предметами.

Человек был частью своей большой семьи, своего племени, впоследствии - частью своего сословия, частью государства. Без племени, без семьи он просто не смог бы выжить. Естественно, что в большой семье особое положение занимает ее глава, хозяин дома, а остальные - младшие братья, дети и внуки, жены, невестки, домашние рабы, когда они появляются, - находятся у него в подчинении. Точно так же особое положение в племени, как главный из полноправных мужчин, занимает вождь.

Глава семьи, вождь племени были посредниками между миром людей и миром богов и предков. Вождь приносил жертвы за все племя, через него же передавалась племени и его земле сила плодородия. Но для успешного выполнения своих обязанностей вождь должен был обладать особой магической силой, которая на земном уровне проявляется как красота и мощь, сила мышц, сексуальная неутомимость.

Поэтому быть вождем нелегко. Если жизнь других членов племени была обставлена множеством ритуальных ограничений, то жизнь вождя буквально ограждена ими со всех сторон. Нередко, чтобы не утратить свою силу, вождь не мог стричь волосы и ногти - в крайнем случае их обкусывали другие, не мог ступать ногой на землю - он проводил жизнь в подвешенном в хижине гамаке, а при необходимости его носили, не должен был показываться при солнечном свете или смотреть в сторону севера... При неурожаях, стихийных бедствиях его могли убить за плохое выполнение своих обязанностей; состарившегося, утратившего силы вождя также убивали, чтобы заменить молодым.

Сила вождя может и возрастать, и уменьшаться. Ее увеличивают военные подвиги, многочисленные жены, обладание предметами, в которых присутствует магическая сила. Ради увеличения этой силы вождь обязан накапливать богатства и редкие красивые вещи, но накапливать не для личного пользования. При этом у одних первобытных народов сам вождь может жить в роскоши, у других, напротив, считается, что он должен ходить в рваной одежде и умереть в бедности. Противоречия здесь нет: и в том, и в другом случае важнейшее качество вождя - щедрость. Одевая

членов племени своим богатством, он передавал им и свою силу. Вождь раздавал пищу, особенно на пирах после жертвоприношений. Племенные, родовые, дружинные пиры были основой жизни и первобытного, и более поздних обществ, они позволяли всем участникам непосредственно ощутить свое единство и свою связь с богами и предками.

Охотники и собиратели - и в доисторические времена, и теперь - не создают запасов пищи и никогда не убивают лишних животных, охоту на которых не разыграли предварительно. Но уже на стадии развитого присваивающего хозяйства появляются излишки - их стали откладывать на будущие пиры, на престижный обмен. И нередко вожди и «большие люди» заставляли соплеменников к лишнему добавлять и из самого необходимого. С одной стороны, смягчалась суровость первобытной жизни, которая требовала умерщвлять все лишние рты - стариков, военнопленных. С другой, повседневное питание становилось все более скудным, однообразным. Растет богатство верхушки, совершенствуются ремесла, развивается торговля; но именно в это время появляется бедность.

Среди историков известна концепция «престижной экономики» как стимула интенсификации хозяйственной деятельности на определенном этапе развития. Сам этот термин был предложен еще в 30-х годах американским этнографом Корой Дюбуа, которая утверждала, что именно потребность в престижных вещах заставляла общество наращивать производство и пищи, и бытовых предметов, и предметов роскоши.

Нам осталось сказать, что уже задолго до настоящего имущественного неравенства отношение к богатству было двойственным. Если, например, человек находил в лесу гнездо пчел - это было удачей, два гнезда - большой удачей, но тот, кто нашел сразу три гнезда, - наверняка опасный колдун. Если вождь владел слишком большим богатством, это вызывало глухое недовольство. Если при этом он был еще и скуп, племя могло убить его и поделить его сокровища «по справедливости». Таким образом, и престижное потребление, и уравнилельные настроения так же древни, как и само человечество.

Глава 2. СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО

Общине охотников и собирателей необходимы огромные территории, чтобы прокормиться. По оценкам специалистов, в условиях Сибири на одного человека требовалось примерно 50 квадратных километров, в более благоприятном климате - 10-20 кв. км. И только в особо исключительных случаях (например, в экваториальной зоне) этот показатель мог снизиться почти до одного квадратного километра.

Но 7-8 тысяч лет назад человек перестал довольствоваться тем, что находил готовым в природе, и начал выращивать для себя съедобные растения и разводить прирученных животных. В XX веке это было названо неолитической революцией.

Переход от присваивающего к производящему хозяйству не был мгновенным, он занял несколько тысяч лет. Вначале этот переход даже не позволял получать намного больше пищи, но важно другое - источник пищи был теперь всегда под рукой, ее получение уже не так зависело от случайностей, как прежде. Появилась возможность на той же территории прокормить больше людей, оставить в живых больше новорожденных детей. Прежде взрослые мужчины погибали в войнах, а тех, кто уже не способен быть воином и охотником, с почтением убивало само племя. Теперь их уже не убивают, и лишь после наступления настоящей дряхлости «выводят» в лес или пустынное место. И возрастной класс стариков, хранителей памяти и мудрости, становится теперь более многочисленным.

С VIII - V тысячелетия до н. э. в некоторых очагах раннего земледелия урожайность возделываемых зерновых культур достигла около 250 кг/га. Теперь зерно, собранное с одного квадратного километра полей, могло прокормить уже 50 человек, и люди начали переходить от полуоседлого к полностью оседлому образу жизни. Их общины насчитывали 150 - 200 человек - почти в десять раз больше, чем общины охотников и собирателей, а поселки располагались намного ближе друг к другу, чем прежде.

Поскольку земледельцы теперь производили намного больше продукции, чем потребляли сами, то исчезла необходимость в том, чтобы землю возделывали все работники без исключения. Поэтому в общинах появляются профессиональные ремесленники: ювелиры, кузнецы, гончары, которые меньше других участвуют в полевых работах. Часть дополнительной продукции отчуждается также в пользу вождя - пожалуй, его уже правильнее называть князем или царьком, - в пользу его

дружины, приближенных и слуг, в пользу жрецов, сказителей и музыкантов, на заупокойный культ и на жертвы богам.

Следующим был этап перехода к интенсивному ирригационному земледелию. В Южной Месопотамии ячмень давал уже 1200 - 1400 кг/га, причем получали по два урожая в год. Это позволяло прокормить с одного квадратного километра около уже 500 человек. Выращивать зерно, изготавливать посуду и ткани теперь стали не только для потребления внутри своей общины, но все больше и больше специально для обмена. Между общинами устанавливается разделение труда и завязывается меновая торговля - иначе говоря, впервые появляются экономические отношения.

Еще прежде появления государственной власти в обществе выделяются три социальных слоя: жрецы, воины и простой народ, чей удел - повседневная хозяйственная деятельность. Известно, что арии, пришедшие в Индию в начале II-го тысячелетия до н. э., делились на три «варны» - на жрецов-брахманов, воинов-кшатриев и общинников-вайшьев, а покоренное местное население было впоследствии включено в две более низкие варны; эта структура сохраняется и в современной Индии. Похожее устройство общества продолжало существовать на протяжении тысяч лет во всем мире и дожило почти до нашего времени.

Государственная власть сама по себе не создает неравенства. Она всего лишь надстраивается над уже сложившимся неравенством, над сословным устройством общества. Но еще прежде утверждения настоящей государственности в обществах, которые уже перешли к производящему хозяйству, появляется новый сорт людей - рабы. В рабство попадали не только захваченные на войне пленники - «живые убитые», как называли их древние египтяне, - но и обедневшие сородичи. В отличие от пленников, эти последние оставались членами общины, их хозяева сохраняли по отношению к ним религиозные обязательства и со временем должны были отпускать их на волю.

Выше рабов могли стоять зависимые земледельцы, напоминающие крепостных средневековой Европы; еще выше - лично свободные общинники, возможно, даже владевшие своим участком земли. Различные категории были и среди ремесленников - от зависимых, храмовых и царских, до свободных, и среди торговцев - от уличных разносчиков дешевой снеди до крупных международных коммерсантов, пользовавшихся покровительством государства.

Каждый человек в этом обществе занимал свою «ступеньку» на иерархической лестнице как член определенного сословия, и в большинстве случаев занимал ее всю жизнь - от рождения до смерти. И права, и обязанности человека - профессиональные, юридические, религиозные - определялись его сословным статусом. Например, у хеттов за убийство чужого раба или причиненное ему увечье выплачивалась вдвое меньшая сумма, чем за убийство или увечье свободного человека; если в колдовстве и наведении порчи на другого уличали свободного, он должен был заплатить пострадавшему 1 мину серебра (по разным оценкам - от 300 до 500 граммов), а раба за то же самое полагалось убить.

Знатные люди носили одежды из тонких тканей и дорогие украшения, а простолюдинам это запрещалось - нередко под страхом смертной казни. Одна и та же религия могла предписывать совершенно разное поведение членам разных сословий: так, в Индии изучение Вед для брахмана является обязанностью, а употребление спиртного - тяжким грехом; для шудры же, наоборот, изучение Вед - грех, а пить спиртные напитки ему не возбранялось.

Правитель в раннем государстве - это все тот же священный вождь первобытного племени, только еще более могущественный. Его двор напоминает храм, и придворные служат ему так же, как жрецы служат богам. Жрецы же с утра до вечера обслуживали богов подобно тому, как обслуживали царей их придворные: одевали и кормили идолов, водили их на прогулки и в гости к другим богам, услаждали пением, музыкой и искусством танцовщиц, воскуряли благовония, а по ночам вводили в покои их «жен» - служительниц храма - и сами исполняли роль бога в обряде «священного брака».

Знания, которыми обладали люди в цивилизованных обществах древности, были намного обширнее, чем в племенах собирателей. Но способы передачи навыков каждого отдельного ремесла не изменились - научиться чему-либо можно было, только подражая примеру старших, постепенно усваивая их опыт. Поскольку человек становился взрослым рано, а обучение было длительным, его приходилось начинать с самого детства, обычно лет с пяти-семи. В одних случаях дети просто трудились рядом с родителями, в других мальчиков отдавали на несколько лет в чужую семью. Ученичество заканчивалось испытаниями, но прежде выдержавший их становился взрослым членом племени, допущенным к знанию мифов; теперь же -

взрослым членом сословия, и сами испытания носили профессиональный характер. Так, в средневековой Европе подмастерье, закончивший обучение, должен был изготовить вещь, в которой было бы видно все его искусство (Она называлась «итог труда» - *chef d'oeuvre*, отсюда русское «шедевр»). Только после этого он мог быть признан достойным звания мастера и принят в цех, только после этого он имел и право жениться.

У всякого знания, у всякого ремесла есть свой бог - основатель и покровитель. Согласно греческой мифологии (вспомним ее как самую известную), земледелие дала людям Деметра, кузнечное дело - Гефест, врачевание - Асклепий, торговле покровительствовал Гермес, ткачеству, выращиванию оливок и ученым занятиям - Афина. К богам-покровителям возводили свое происхождение семьи и целые роды, занимающиеся ремеслом или другой деятельностью. А сами боги представлялись большой семьей, состоявшей из нескольких поколений, как и обычная земная семья, - это позволяло связать воедино все стороны мироздания: природные явления, человеческие занятия, человеческие и божественные законы. Так «устроена» мифология не только греков, но и любого традиционного общества.

Представление о том, что каждое занятие должно иметь своего божественного покровителя, пережило языческие религии: в средневековой Западной Европе у каждого ремесла был такой покровитель среди христианских святых, а у каждого городского цеха - свою церковь во имя этого покровителя. Оно не исчезло и в наше время. Совсем недавно пользователи Интернета из числа верующих католиков заявляли, что чувствовали бы себя более уверенно под покровительством собственного святого, да и система «под присмотром» работала бы надежнее. По требованию папсты в Ватикане задался вопросом, следует ли этим покровителем назначить св. Антония Падуанского, св. Клару Ассизскую или кого-то еще. Некоторые непочтительные миряне, впрочем, предлагали сразу - при жизни - утвердить Билла Гейтса, а католическим святым сделать его потом. Наконец, после двухлетнего обсуждения было решено, что отныне патроном Интернета является св. Исидор Севильский - составитель первой средневековой энциклопедии.

Но вернемся из компьютерного века в те времена, когда все это было не пережитками прошлого, а живыми представлениями. Магическими обрядами, молитвами, жертвоприношениями богам плодородия или богу - покровителю ремесла

сопровождались и обучение, и испытания, и сам процесс работы. Шумерский текст «Во время оно земледелец...» (Междуречье, III тысячелетие до н. э.), наставляет владельца крупного поместья: когда пробьются первые ростки ячменя, помолись богине полевых мышей, чтобы грызуны не испортили урожай, - и отгоняй от поля птиц; «в день, когда приступаешь к очистке ячменя, ... прочти молитву вечером и ночью».

А потому и сословия были не только профессиональными, но и религиозными объединениями. Общие праздники, общие пиры давали их членам живое ощущение единства. Во главе их стояли свои старейшины - даже у тех групп, которые занимали весьма низкое положение в обществе; эти старейшины улаживали конфликты внутри самого сословия и выступали как посредники в отношениях его рядовых членов с властями.

В каждом ремесле были свои секреты - не просто технология, а священное эзотерическое знание. А поскольку обучали этим секретам в семье, то, чтобы сохранить их в тайне от посторонних, браки стремились заключать между своими. Со временем профессиональные объединения превращаются и в замкнутые брачные сообщества. Наиболее известны индийские «джати», развившиеся из средневековых гильдий (европейцы называют их кастами). Девочек выдавали замуж, как правило, далеко от дома, но за мужчин из своей джати. Приемы ремесла благодаря этому оставались тайной для посторонних, но быстро распространялись в своей среде. И в средневековой Европе подмастерье мог унаследовать дело своего хозяина и учителя, если женился на его дочери.

Сословные организации - гильдии, цехи - следили за тем, чтобы у каждого был гарантированный заработок, чтобы вдовам и детям, оставшимся сиротами, были обеспечены средства хотя бы для скромной жизни. Но следили также и за тем, чтобы рабочий день не превышал установленного предела, чтобы строго соблюдались традиционные приемы и не использовались какие-нибудь новомодные, - в частности, и для того, чтобы никто не зарабатывал намного больше других! Таким образом, эти объединения средневековых ремесленников играли роль профсоюза, кассы взаимопомощи, органов стандартизации и контроля качества и многого другого.

Каждый работает на общее благо, оставаясь на своем месте, - вот идеальный принцип устройства традиционного сословного общества. При этом все оно пронизано

сетью родственных и внутрисословных связей, и его стабильность обеспечивается корпоративной и родственной саморегуляцией не меньше, чем отношениями власти и подчинения.

Как сельские общины во всем мире существовали почти в неизменном виде с тех самых пор, когда сложилось производящее хозяйство, - так и сословная система оказалась весьма устойчивой. За тысячи лет исчезли древние религии, способы правления изменились, но самые общие черты в устройстве государства, так сказать, его скелет, еще узнаваемы. «Король-Солнце» Людовик XIV мало похож на фараона Хеопса, но и при нем во Франции дворянство и духовенство были привилегированными, «третье сословие» было разделено на цехи и гильдии и платило все налоги на содержание государства и королевского двора, а еще ниже него стояло бесправное «четвертое сословие» крестьян. Это разделение было уничтожено только революцией 1789 г., а в других странах Европы оно сохранялось еще дольше.

Глава 3. ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ – КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Общество, о котором у нас шла речь, называют «азиатским», или древневосточным. Но таким же оно было во II-м тысячелетии до н. э. и на западном краю тогдашнего цивилизованного мира - в Греции.

Греция занимает южную оконечность Балканского полуострова и прилегающие к ней острова. Климат здесь сухой субтропический, большую часть года светит жаркое солнце, а зима приносит дожди и бури. Реки, текущие с гор, летом пересыхают, почва каменистая. Хлеб родится плохо, и его всегда не хватало, зато прекрасно растут виноград и оливковые деревья.

Жизнь греков издавна была тесно связана с омывающим полуостров морем. Оно давало важнейший продукт повседневного питания - рыбу, по нему же пролегали и торговые пути. Из других стран по морю ввозилось зерно и металлы - медь и олово, необходимые для выплавки бронзы, и драгоценное золото. На экспорт шли вино и

оливковое масло, позже к ним прибавились керамика и бронзовое оружие, в производстве которых греческие ремесленники уже в глубокой древности достигли высокого мастерства.

Сначала контроль за морской торговлей в восточном Средиземноморье установили правители острова Крит (с 2000 по 1600 гг. до н. э.), а затем их вытеснили более воинственные соперники. Хеттские источники называют это государство Аххиявой (название напоминает одно из имен греков в поэмах Гомера - «ахейцы»), а историки - Микенским царством, по имени его крупнейшего дворца. В период своего расцвета оно было влиятельным и богатым, вело дипломатическую переписку и заключало договоры на равных с Египтом и Хеттской империей, тогдашними великими державами.

Дворцы, в которых жили греческие цари, представляли собой мощные крепости. Внутри их покои были расписаны прекрасными фресками, изображавшими дельфинов в морских волнах, птиц среди весенних цветов и нарядных придворных дам. Знать любила драгоценности и красивые редкие вещи - при раскопках Микен найдено огромное количество золотых украшений удивительно тонкой работы.

В мастерских при дворцах трудились оружейники, плотники, хлебопеки, резчики по слоновой кости, парфюмеры. Характерна узкая специализация в ремесле - так, среди кузнецов по бронзе были те, кто изготавливал исключительно колеса для боевых колесниц. В сельском хозяйстве обязанности распределялись так же строго: одни пасли овец, другие волов, третьи коз, четвертые рубили дрова; по-видимому, был даже особый разряд работников, занимавшихся сбором дикорастущих пряных трав. Дворцовые писцы надзирали за работами и вели учет всех богатств в сокровищницах и кладовых.

Но со временем росла и зависимость царств континентальной Греции от привозного зерна. В начале XII в. до н. э. разразился один из самых разрушительных кризисов традиционной государственности - всего за несколько лет от могущества Микен ничего не осталось, и наступили «темные века» упадка. Раскопки не обнаруживают никаких видимых следов военного вторжения или междоусобиц. Наиболее вероятной причиной этой катастрофы историки считают нашествие так называемых «народов моря» - оно обрушилось в это время и на Египет, и на Палестину, - из-за которого резко сократился торговый обмен.

Нехватка привозного хлеба означала выживание на грани голодной смерти. Находки в слоях, относящихся к XI - IX вв. до н. э.: обсидиановые наконечники стрел вместо бронзовых, глиняные бусы, костяные кольца, грубая посуда - свидетельствуют о крайней бедности. Искусство обработки металлов и изготовления высокохудожественной керамики было утрачено, исчезли из обращения золото и серебро. Прежде процветавшее общество фактически вернулось в каменный век. Навсегда забытой оказалась письменность, употреблявшаяся в дворцовом хозяйстве, - древнее линейное письмо.

Численность населения континентальной Греции за время кризиса, сократилась, по оценкам археологов, в пять раз - большинство людей покинуло материк и ушло, чтобы поселиться на побережье и островах Эгейского моря. Их место вскоре заняли пришедшие с севера воинственные дорийцы - те же греки, но еще не знавшие городской цивилизации.

В крито-микенскую эпоху смыслом деятельности государства было распределение материальных ресурсов, которым занимались дворцовые писцы. Теперь складывавшаяся веками экономическая зависимость человека от государства оказалась разрушенной, и каждому приходилось искать способ выжить самостоятельно. Общим для всех было одно: нужно было отправляться море на поиск удачи. Мирные занятия - рыболовство и сократившаяся торговля - не могли прокормить мореходов, и потому они нередко занимались тем, что грабили соседние территории и чужие суда. Иначе говоря, они были попросту пиратами.

Постоянные нападения морских пиратов стали настоящим стихийным бедствием, разрушившим все, что еще оставалось от прежнего общества, - но это стихийное бедствие создало античную Грецию точно так же, как разливы Нила создали Египет. Человек традиционного общества, знающий свое место и свои обязанности в громоздкой и сложной структуре, был бы слишком неповоротлив для ремесла пирата. На палубах пятидесятивесельных разбойничьих кораблей, бороздивших Эгейское море, родился совсем другой тип человека.

Нападение на побережье могло произойти в любом месте и было всегда внезапным. Ставкой же в стычке с пиратами, как и в большой войне, была жизнь ее участников. Победенного убивали, его жена и дети становились рабами победителя - а значит, его род навсегда переставал существовать, и это было еще хуже, чем

собственная смерть. Каждому приходилось быть готовым в любой момент из земледельца превратиться в умелого воина, защищающего свою свободу, свой дом и отечество.

Нужно сказать, что мирные земледельцы легко становились пиратами, пираты же возвращались домой или оседали на новых землях и, в свою очередь, становились мирными земледельцами. Поэтому нормы жизни на пиратском корабле-государстве влияли и на жизнь на суше. Экипаж корабля, отплывший на нем в море, становился фактически независимым от царской власти. Он и сам представлял собою подобие государства, ведь на море и в особенности при набегах требовалось безусловное подчинение власти капитана. Но если капитан убит или ранен, команда не может оставаться без этой власти. Поэтому каждый член экипажа должен быть готов при необходимости заменить его.

Мореходы должны были уметь не только хорошо грести, ставить паруса или чинить свой корабль, но и многое другое - а значит, им требовалось умение быстро овладевать новыми профессиями. Но прежде всего они были отличными воинами. Успех набега зависел от доблести каждого - и не зависел от его богатства, от знатности и влияния его рода. На море и в сражении они были равны между собой и даже приказам подчинялись как свободные люди, а не как рабы.

Однако никому и в голову не пришло бы отказаться от самой государственной власти. Выжить в одиночку для древнего грека было бы так же невозможно, как и для человека первобытного общества. Все соседи были потенциальными врагами, и противостоять их нападениям можно было, только сражаясь вместе с другими согражданами. Поэтому главной задачей государства становится оборона и ведение войны.

Когда утрачена письменность, территория прежних царств начинает стремительно дробиться. На их месте появляется около шестисот полисов - небольших городов-государств. Их размеры вновь определяются расстоянием, на которое можно передать устный приказ. Те царства, которые в поэмах Гомера описываются как крупные и значительные, в действительности очень малы. Когда возвратившийся домой Одиссей убил женихов своей жены Пенелопы - поименно названы четырнадцать из них, - это принесло «злую беду» более чем половине знатных семей

его царства, следовательно, этих семей на острове всего лишь три или четыре десятка.

Кроме знатных, на одиссеевой Итаке есть и незнатные семьи. Число семейных хозяйств на острове могло составлять около двух сотен, а общее число взрослых мужчин в них, включая рабов, - от одной до полутора тысяч. В некоторых крупных хозяйствах - тех, что принадлежали царю и знати, - насчитывалось до ста рабов; в других рабочих рук не хватало, и земледельцы нанимали батраков на время пахоты и сбора урожая.

Прежние семейно-родовые отношения также упрощаются, но тем более несомненной становится власть главы семьи над женой, детьми и рабами. Каждый из них - «в доме своем один повелитель» и царствует над семьей точно так же, как царь - над своими подданными. Такую семью можно назвать «домом-государством», и она совсем непохожа на семью традиционного общества - маленькую клеточку сословного организма.

Глава семьи в пределах своего небольшого хозяйства должен был уметь буквально все. Греки «темных веков» больше не могли позволить себе такую роскошь, как существование людей, знающих лишь одно ремесло. «Многомудрый» царь Одиссей - не только воин, кораблестроитель, красноречивый оратор и удачливый пират, не забывающий прихватить добычу даже из пещеры ужасного Киклопа; он сам пашет свое поле и никому не уступит ни в пахоте, ни в косьбе, он своими руками соорудил когда-то брачное ложе. Но, конечно, даже Одиссей не смог бы сам выковать себе меч и боевые доспехи. Поэтому все же сохраняются ремесленники-профессионалы немногих, самых необходимых специальностей - кузнецы, врачи, зодчие.

В отличие от Греции классической, признававшей разделение только на свободных граждан и рабов, архаическую Грецию все еще населяют знатные, простонародье и их рабы. Ведь для того, чтобы оснастить настоящий корабль, требовались немалые средства. Мелким земледельцам, ремесленникам и безземельным наемным работникам это было недоступно, они могли стать лишь матросами под чужой командой. Дорого стоило и хорошее вооружение. Поэтому новый человек - одновременно земледelec, пират и правитель своего небольшого дома-государства - остается пока человеком, принадлежащим к одной из «лучших

семей», к родовой знати. Маленькие люди не участвовали в делах элиты и не обладали одинаковыми с ней правами. Но в аристократической среде складываются новые нормы общественной жизни, непохожие на те, которые определяли жизнь традиционного древневосточного общества.

Кризис прежней государственности означал также, что каждый глава семейного хозяйства должен был брать на себя и всю полноту религиозной ответственности. В своем «доме-государстве» он был не только царем, но и верховным жрецом, между ним и олимпийскими богами больше не было посредников. И поскольку греки «темных веков» - воины и пираты - постоянно подвергались смертельной опасности, то они ни на минуту не переставали бояться гнева богов, карающих грешника за нарушение их воли и законов.

Разумеется, подчинение власти царя оставалось беспрекословным, и он по-прежнему должен был участвовать в важнейших религиозных ритуалах. Но он уже не священный вождь, а военный предводитель, капитан своего корабля-государства. Божественность его особы утрачена, и его место может быть занято не только по воле богов, но и «по установлению». Иногда власть в греческих полисах могла переходить ко всему слою знатных, или же ее захватывали единоличные правители, не принадлежавшие к царскому роду (они назывались тираннами).

Знатные люди вновь требуют, чтобы царь правил с их одобрения, как это было в обычае в догосударственные времена, и не обращался с ними, как со своими рабами. Они равны между собой как участники сражений и пиратских набегов, они - полновластные правители и верховные жрецы своих семей, и любой из них считает себя вправе при необходимости заменить царя. Так складываются важнейшие представления будущей греческой цивилизации - о достоинстве свободного человека и о суде и законе, которые выше человека, перед которыми все равны.

Глава 4. ГОСУДАРСТВО И СВОБОДА (ДРЕВНИЕ АФИНЫ, IX - VI ВВ. ДО Н. Э.)

Дальнейшее развитие древнегреческого общества тесно связано с изменениями в военной технике. В микенскую эпоху ударной силой войска были боевые колесницы, как и в других армиях древнего Ближнего Востока (у хеттов, египтян, ассирийцев). В послемикенское время представители военной знати, одетые в бронзовые доспехи, сражались с противником один на один бронзовыми мечами, а воины из простонародья были лучниками и пращниками. Железо еще оставалось настолько редким и дорогим металлом, что его наносили тонким слоем на серебряные кольца - знак власти жрецов. Но в X - IX вв. до н. э. в Средиземноморье наступает железный век, а следовательно, входят в употребление уже железные мечи.

Поскольку именно война была смыслом жизни греческого полиса «темной» эпохи, являться на нее были обязаны все свободные граждане, знатные и незнатные, и притом в вооружении, приобретенном за собственный счет. К концу этого периода истории относится еще одно важнейшее изобретение - тяжелый щит. Он намного лучше закрывал тело воина от стрел и мечей противника, то есть заменял собой и прежний небольшой щит, и латы. Благодаря его появлению изменились методы ведения войны: к VIII в. до н. э. главной силой стал наступающий на противника сомкнутый строй гоплитов - пехотинцев, вооруженных железным мечом и тяжелым щитом. Успешно сражаться такой пехотинец мог, только если рядом с ним были его сограждане. Сомкнутый строй должен был способствовать развитию чувства особенно тесной сплоченности в обществе - и на войне, и в мирное время. Но исход сражения решался в ближнем бою, когда каждый встречался с врагом лицом к лицу. В этом тяжелый пехотинец был гораздо больше похож на аристократа архаических времен, чем на прежнего пехотинца-простолюдина.

Следствием всех этих изменений стала военная реформа, которую провел в Афинах в VII в. до н. э. законодатель Солон - один из семи величайших мудрецов Греции. Он разделил граждан на разряды в соответствии с их имущественным положением. Каждый из этих четырех разрядов имел свои обязанности прежде всего по отношению к военной службе. Два высших разряда составляли конницу, а самые богатые сверх того должны были снарядить каждый по военному кораблю. Малоимущие лишь при необходимости могли призываться в легкую пехоту или в

гребцы. Ударную же силу войска и самую многочисленную категория граждан составляли те, кто воевал в вооружении тяжелого пехотинца.

Ко времени жизни Солона политический строй в Афинах давно уже был тяжело болен. Родовая знать, которой принадлежала власть, всячески стремилась к расширению и укреплению этой власти и своего богатства, а простолюдины разорялись, теряли свои земельные наделы, попадали в рабство за долги. Все это подрывало и внутреннюю стабильность, и обороноспособность полиса, а значит, было смертельно опасным в условиях, когда Афины вели почти непрерывные войны с соседями.

Солон отменил долговое рабство и не только вернул в свободное состояние всех, кто оставался в Аттике (так называлась область Греции, находившаяся под управлением Афин), но и выкупил тех соотечественников, которые были проданы на чужбину. Он убрал с земли закладные камни. Разделив граждан на имущественные разряды, он сгладил прежнее деление: теперь мелкие землевладельцы находились в одинаковом положении с обедневшими аристократами, а те, кто сохранил крупные родовые наделы, - с теми, кто разбогател недавно благодаря морской торговле.

Но участвовать в управлении государством, в полной мере обладать гражданскими правами могли только знатные. Солону нужно было ограничить их могущество, и для этого он распространил гражданские права на значительно более широкие слои. Теперь ими обладали все взрослые свободные мужчины, владевшие наследственным участком земли в примыкающей к городу сельской округе. В противовес прежнему органу верховной власти - аристократическому совету - был учрежден новый Совет четырехсот. Каждая из четырех фил (территориально-родовых подразделений) Аттики посылала в Совет по сто человек. Эти депутаты ежегодно избирались по жребию, и среди них были люди как из знатных, так и из простых семей.

К главному делу свободного человека - управлению своим государством - привлекались все граждане Афин. Они могли участвовать в голосовании, когда принимались законы, когда заключались союзы с другими городами или, наоборот, кому-то объявляли войну. При этом дело решалось простым большинством голосов тех, кто присутствовал именно в этот день на центральной площади города. В собрании все были равны друг другу, и, независимо от знатности и рода занятий,

любой гражданин имел лишь один голос. Но при этом формальном равенстве у состоятельных людей было больше возможностей пользоваться своими правами, чем у тех, кто с утра до ночи трудился в своем небольшом хозяйстве.

Обязанности должностных лиц в городском самоуправлении и в суде граждане должны были выполнять по очереди, также по выбору жребия. Нам такой обычай может казаться странным и даже нелепым. Но современники Солона полагали, что свободный человек на то и свободен, чтобы уметь управлять и делами своего хозяйства, и делами государственными, а жребий считался знаком воли богов - покровителей полиса. Однако полного равенства здесь уже не было. Заседать в суде и в Совете могли члены трех высших имущественных разрядов - богачи и «средние»; четвертому, низшему разряду это право не предоставлялось. А к должности архонта (верховного главнокомандующего) допускались только те, кто принадлежал к разряду самых богатых.

Налогов на содержание государства и его чиновников древние греки не платили, поскольку свободные граждане сами были этим государством. Но сколько-нибудь состоятельных афинян родной полис и в мирное время не оставлял в покое. Так, например, к ежегодному празднику Диониса в Афинах готовилось несколько театральных представлений. Каждое из них продолжалось целый день и состояло из трех трагедий и веселой «сатировской драмы». Это было и важнейшим общегражданским событием, и частью религиозного культа.

Для того, чтобы спектакль мог состояться, требовалось обучить актеров и хор, содержать их в течение времени репетиций, заказать им костюмы, маски и театральные машины. И все эти траты возлагались, также по жребию, на граждан из высшего разряда. Отказаться же от этой почетной и весьма разорительной обязанности было практически невозможно: в таком случае любой афинянин по закону имел право заявить, что берется подготовить спектакль вместо отказавшегося, полностью поменявшись с ним имуществом. Во время празднеств проводились также гимнастические соревнования среди молодежи. И ежегодно из самых богатых граждан избирался человек, который должен был за свой счет обучить и содержать юношей, готовившихся к этим соревнованиям. Щедрость при выполнении этих обязанностей была гражданским долгом, и потому деньги богатого афинянина служили не только ему самому, но прежде всего - его родине и соотечественникам.

Профессиональных судей у греков не было, эту должность могли исполнять все взрослые мужчины - сначала только из знатных семейств, а потом из очень широкого круга свободных. Чтобы приговор суда был справедливым и не зависел от личных пристрастий отдельного человека, судей должно быть несколько, и чем больше - тем лучше. Поэтому в демократических Афинах незначительные судебные дела рассматривала коллегия из пятисот человек, а в особенно важных процессах число судей могло доходить и до трех тысяч. Следовательно, каждый афинский гражданин из тех, кто имел на это право, успевал побыть судьей хотя бы один должностной срок за свою жизнь.

А судиться греки, особенно жители Афин, любили - хотя уважением пользовались люди, умевшие уладить дело полюбовно, не доводя его до суда. Сказать о человеке, что он ни разу в жизни не судился, означало высокую похвалу. Примерно так же египтянин времен Рамзесов говорил о себе, что его ни разу в жизни не били палками. Видимо, и то, и другое было скорее исключением из общего правила.

Обвинитель и обвиняемый в уголовном процессе, либо истец и ответчик в процессе гражданском должны были сами выступать перед судом с речами. Обе стороны равны перед законом, но у каждой - своя правда, которую эта сторона отстаивает. Так из равноправия рождается свобода слова - еще одно основание гражданского общества, еще одно отклонение от традиционного и «нормального» общественного устройства.

Слово, скрепляющее традиционную цивилизацию, - это приказ: дело вышестоящих - приказывать, долг низших - подчиняться. На Востоке самый знатный вельможа мог с гордостью носить титул «раб царя». Свободный грек отдавал приказы рабам, но сам он не хотел быть ничьим рабом и подчинялся воле богов и законам своего полиса. А значит, никто не имел права приказывать ему или диктовать свое мнение - свободного человека можно только убедить.

Сами греки хорошо понимали, чем именно они отличаются от других. Известное замечание Аристотеля: «Варвары - рабы по природе», - не обоснование расизма, как думали иные в Новое время, а констатация существующего положения вещей: все, кроме эллинов, с самого рождения предназначены подчиняться чужим приказам.

Укреплению политического и юридического равноправия соответствуют и изменения в хозяйственной жизни. На место обмена, жестко контролируемого властями, пришла свободная торговля. Новая экономика стала гибкой и поэтому намного более эффективной, чем прежняя сословно-административная. Возникла государственная денежная система, основанная на чеканке стандартной монеты, а не на обращении весового металла, как прежде; и афинские монеты оказались очень удобным изобретением.

Реформы Солона стали итогом пяти веков развития, когда древнегреческое общество рождалось заново после тяжелейшего кризиса. В свою очередь, они положили начало новому политическому строю - рабовладельческой полисной демократии. Позже по примеру Афин этот строй ввели у себя и некоторые другие города-государства.

Время, когда полисная демократия достигла своей зрелости, даже теперь поражает своими блестящими достижениями. Афины становятся духовным центром всей Эллады, сюда стекаются искусные живописцы, скульпторы, архитекторы, здесь учат знаменитые философы. Возводятся прекрасные здания, на рынке продаются товары со всех концов света. В войнах с огромной Персидской империей афиняне и их союзники дважды одерживают решительную победу, хотя силы противника многократно превосходили силы эллинского войска.

Именно золотому веку Афин мы обязаны всем тем, что отличает европейскую цивилизацию от других, традиционных. Без него не появились бы ни идеалы гражданского общества, ни рациональное мышление, ни наука, ни рыночная экономика. А когда наступил новый кризис и потребовалось заново осмыслить опыт жизни полиса и его свободных граждан, в Афинах была выработана и та система образования, которая уже более двух тысяч лет делает всех нас европейцами в каждом поколении снова и снова.

Глава 5. **ВОИНСТВЕННАЯ СПАРТА**

Почти одновременно с реформами Солона в Афинах законодатель Ликург провел свои реформы в Спарте - втором из крупнейших полисов Греции. Однако в Афинах развивалась рыночная экономика и был выработан демократический строй, а Спарта, которая была частью все той же своеобразной греческой цивилизации, пошла совсем по другому пути.

Ее граждане были потомками дорийцев - последней волны переселявшихся из глубины Балканского полуострова греков. Поэтому они сохранили и многие черты старинного уклада жизни, и явные следы своего положения захватчиков. Сам город Спарта был центром большой области под названием Лаконика, как Афины - центром Аттики. Но если в Афинах и в других полисах полноправное население жило не только в «столице», а само обладание гражданскими правами было связано с владением земель, то здесь все обстояло иначе.

Прежде всего по законам Ликурга земля должна была принадлежать всему государству, а не находиться в собственности отдельных частных лиц или отдельных родов. Сельским хозяйством на ней по-прежнему занимались потомки покоренного населения Лаконии, а затем и завоеванной Мессении. На каждого полноправного гражданина - спартиата - приходилось примерно семь таких несвободных земледельцев-илотов, которые обязаны были доставлять ему продовольствие. Но илоты не принадлежали ему так, как принадлежали своим хозяевам рабы во всей остальной Греции. Они были государственными рабами на государственной земле, а свободные граждане имели никакой частной собственности - ни земли, ни рабов.

Ремесленниками были также зависимые жители покоренных городов. Им не разрешалось производить ничего, кроме вооружения и самых непритязательных бытовых вещей, без которых все-таки не могли обойтись свободные. Когда-то ремесла в Спарте процветали, но через 200 лет после принятия законов Ликурга они почти исчезли. Совершенно прекратилась и торговля.

Войны были важнейшим делом для всех греческих полисов, но для Спарты война и завоевание окрестных земель были единственным смыслом ее существования. Чтобы граждане были заняты только войнами, для них были запрещены все остальные роды деятельности - не только обработка земли, но и занятия ремеслом и торговлей. С той же целью для всех, включая и «царей», было строжайше ограничено личное потребление. Законы Ликурга предписывали буквально все поведение свободных

спартиатов, вплоть до покроя одежды и формы бороды и усов, и за соблюдением этих предписаний всеми без исключения следили специальные должностные лица. Дома спартанцы носили простые грубошерстные плащи и хитоны, но, отправляясь на войну, надевали одежды, окрашенные драгоценным пурпуром.

Чтобы никто не мог соблазниться личным обогащением, было отменено хождение денег. Вместо весового серебра или новомодных монет на роль денег назначались железные прутья. Их дополнительно закаливали в уксусе, чтобы сделать хрупкими и непригодными для использования в других целях. Спартанские «деньги» были очень неудобными: за овцу, которая в Афинах стоила маленькую монетку - драхму, их нужно было отдать несколько штук, а тому, кто хотел сделать более крупную покупку, пришлось бы тащить за собой груженную прутьями ручную тележку.

Спартиатам не требовалось заниматься управлением своим хозяйством, и они целые дни посвящали только военной подготовке. А чтобы еще больше сплотить их, было установлено, что все они должны питаться вместе и выделять для этого свою долю продуктов. В Греции существовал старинный обычай устраивать общественные трапезы для взрослых граждан; эти трапезы назывались сисситиями. Но в других полисах были и частные пирушки в дружеском кругу, иногда мужчины обедали дома с семьей - в Спарте подобных вольностей не допускалось.

Главной пищей на спартанских сисситиях была черная кровяная похлебка, которую варили из свинины, свиной крови и чечевицы. Спартанцы ели мясо каждый день, в отличие от остальных греков, большинство из которых обычно довольствовались рыбой, оливками и хлебом. Но их похлебка была настолько же питательной, насколько отвратительной на вид. По преданию, лидийский царь Крез, попробовав это варево, воскликнул: «Теперь я понимаю, почему спартанцы не боятся смерти!» Еду спартанцы, как и все греки, запивали вином, которое наполовину или больше разбавляли водой. Употребление неразбавленного вина и тем более опьянение было строгойше запрещено. В воспитательных целях на сисситии приводили под конвоем илотов и поили допьяна, чтобы показать, как омерзительно это состояние и насколько оно недостойно свободного человека.

«Сила и власть пусть принадлежат народу», - такими словами заканчивались законы Ликурга. Но спартанцы не собирались для политических споров на агоре, не

принимали решений голосованием. Не было у них и соревновательного суда. В Афинах ценилось красноречие; в Спарте никто не произносил речей, а если приходилось говорить, то говорили «лаконически» - ясно, метко и как можно короче, в духе военного приказа. Даже грамотными были немногие из спартанцев, словно еще продолжались «темные века».

В семье обязанности мужчины сводились к одному только зачатию детей. Все остальное брало на себя государство, которое контролировало всю жизнь граждан от рождения и до самой смерти. Новорожденных младенцев приносили к старейшинам, и те решали, кого оставить в живых. Слабых и увечных тут же сбрасывали с обрыва в пропасть. Сам по себе этот способ контроля над рождаемостью, каким бы жестоким он ни казался нам, был вполне обычным во многих обществах древности. Удивление вызывали скорее те народы, которые оставляли жить всех детей, как это делали в Египте. Но во всех других случаях решение принадлежало отцу семейства, а в Спарте - государству.

Маленькие мальчики росли под присмотром матерей, но в семь лет их отдавали на общественное воспитание в агелу (буквально - «стадо»). Юноши жили, тренировались и воевали вместе до тех пор, пока не обзаводились собственными семьями. Военной подготовкой занимались также и девочки, хотя в настоящих войнах они не участвовали. Спартанских женщин другие греки считали «распущенными». Афинянки, коринфянки, сиракузянки почти не выходили из женских покоев своего дома; спартанки же не только свободно появлялись в общественных местах - они даже осмеливались спорить с мужчинами! Но такая «эмансипированность» была ничем иным, как следствием все того же уничтожения неприкосновенности частной, семейной жизни.

Покидать свою родину спартанцам запрещалось под страхом смерти, как солдату запрещается покидать свой лагерь на войне. Чужих они презирали и старались не пускать к себе. Особенно следили за тем, чтобы в Лаконии не появлялись иностранные купцы с их товарами. А тех немногих чужеземцев, которые все-таки поселялись у них, раз в несколько лет изгоняли специальным указом.

Молодые воины должны были нападать по ночам на селения илотов и устраивать там резню, чтобы держать их в постоянном страхе. Илоты же смертельно

ненавидели своих угнетателей и готовы были восстать при малейшей их оплошности. А страх перед их восстанием, в свою очередь, спланивал всех спартиатов.

Спарта была совершенной военной машиной, до поры не знавшей сбоев и поражений. Когда спартианцы шли в атаку - рослые и сильные, с развевающимися длинными волосами, сверкая ярким пурпуром плащей, - они наводили ужас на противника одним своим видом. Они одерживали одну победу за другой благодаря своей самоотверженности, полному отказу от личных интересов во имя общего дела, но также благодаря строгому контролю государства над их телами и душами. Однако настало время, когда за военные победы пришлось платить экономическим упадком. Деградируют не только ремесла, но и сельское хозяйство.

В V веке до н. э. разразилась Пелопонесская война, в которой участвовали друг против друга только государства греческого мира. Во главе двух союзов стояли Спарта и Афины. К Спарте примкнули многие полисы, особенно те, в которых ценились старинные аристократические доблести. К тому же афиняне требовали от своих союзников слишком больших денежных взносов.

Богатые, цветущие Афины потерпели в войне полное поражение, во главе их встали опиравшиеся на поддержку победителей так называемые «тридцать тиранов» из проспартиански настроенной аристократии. Во всех завоеванных городах расположились спартианские гарнизоны. Но местные жители вскоре почувствовали суровость строя, которым прежде так восхищались издавна, и популярность Спарты стала падать. Ее господство после победы в Пелопонесской войне оказалось очень непродолжительным. Один город за другим стал изгонять спартианцев, возвращая себе прежнюю свободу.

Глава 6. **КАК ПОЯВИЛАСЬ ДЕНЕЖНАЯ ЭКОНОМИКА**

В начале нашей книги мы уже говорили о том, что сообщества людей обменивались между собой ценностями с тех пор, как появился сам человек. Постепенно среди предметов, предназначенных для обмена, стали выделяться

наиболее ликвидные - то есть такие, которые легче было обменять на любой другой товар. Это могли быть ткани или связки птичьих перьев, океанские раковины или слоновая кость. У приморских народов самым ликвидным товаром была, конечно же, сушеная рыба, у земледельческих - мера зерна, у скотоводов - голова скота, в Древней Руси, богатой лесами, - шкурки белок и куниц и т.д. Эти товары служили обменным эквивалентом, а значит, фактически они уже выполняли одну из функций современных денег - были средством обращения. Но и в первобытном, и в позднеродовом обществе все эти предметы в любой момент могли быть изъяты из обращения. Ничто не мешало использовать их и по прямому назначению: из раковин или яшмы сделать украшения, металлы пустить в переплавку, из шкурок сшить одежду, а сушеную рыбу - просто съесть.

Кажется очевидным, что самым удобным средством обмена были драгоценные металлы - золото, серебро, медь. Они ценились не только за свою красоту и редкость - с незапамятных времен их почитали как земное воплощение солнечных и лунных богов. На небольшой самородок или слиток можно было выменять целое состояние. Важно и то, что они не портятся и легко делятся на части, не теряя при этом своих качеств.

Впрочем, драгоценные металлы не везде служили для обмена. Может быть, вы помните старый рекламный клип о благородных инках и жадных испанцах? Действительно, деньги в «Империи четырех четвертей» были неизвестны. Они не требовались там, где всю жизнь подданных контролировал огромный чиновничьим аппарат. А прекрасные предметы из золота имели для инков только религиозно-магическое значение.

Но вернемся в Старый Свет, в то время, когда в речных долинах только зарождались первые государства. Отношения обмена, которые прежде регулировались только местными обычаями, становятся теперь более упорядоченными - как и другие стороны хозяйственной жизни.

В Древнем Египте за очень короткий срок из разнородных племенных групп сложился единый народ с единым языком, охваченный общей системой государственно-хозяйственного управления. Соответственно и обмен товарами во всей стране вели в пересчете на единый эквивалент - стандартные медные прутья.

Интересно, что самими прутьями египтяне при торговле не пользовались, а просто меняли, например, быка на соответствующее его цене количество зерна.

В Междуречье весовым серебром расплачивались за аренду чужого поля, а хозяин поля серебром же платил землемеру за составление плана участка. За серебро арендовали торговые склады и закупали шерсть, зерно, соленую рыбу. За серебро приобретали рабов и нанимали свободных работников, при усыновлении ребенка отвешивали серебро его родителям, серебром платили выкуп за невесту. Весовое серебро давали в долг под проценты, и существовала даже операция переуступки - заимодавец мог продать свое право требовать долг другому человеку.

Но даже в таком обществе, где весовой металл обслуживал и торговые, и правовые отношения, правильнее было бы еще называть его протоденьгами. В любой момент он мог использоваться и по прямому назначению - пойти на переплавку. Качественные изменения в экономике произошли с появлением монетной системы.

Первыми монетами принято называть статеры из электра - природного сплава золота и серебра, который высоко ценился в древнем мире. Цари Лидии - страны в Малой Азии, славившейся своим богатством, - начали изготавливать их в VII в. до н. э. Статеры представляли собой расплющенные маленькие слитки с надчеканкой и внешне были уже очень похожи на монету. Однако они еще не были настоящими монетами. Из-за высокой стоимости эти слитки благородного металла могли использоваться лишь для ограниченного круга торговых операций, а при необходимости их все так же переплавляли, чтобы изготовить украшения или культовые предметы.

Греки издавна поддерживали активные торговые связи с Малой Азией, и потому лидийские статеры очень быстро попали в греческие колонии на малоазийском побережье Эгейского моря, а оттуда - и в континентальную Грецию. Столетие спустя, в VI в. до н. э., по их образцу в Афинах начали чеканить собственные деньги, которые и следует считать первыми настоящими монетами. Они были похожи на статеры по своему внешнему виду, но значительно отличались по сути. Во-первых, чеканка денег стала делом не одного человека - пусть даже царственной особы, - а делом государства, а значит, и всех его граждан. Доход от выпуска монеты шел на нужды полиса. Во-вторых, денежная система стала частью экономики нового типа - той экономики, которую в наше время принято называть рыночной.

Наряду с основной денежной единицей в Афинах появляются и мелкие разменные деньги. Большинство монет были бронзовыми и имели невысокую номинальную стоимость, а это означает, что денежными отношениями были охвачены широкие круги населения в своей повседневной деятельности. Прежде, в традиционном обществе, распределением ресурсов ведал узкий круг чиновников или других государственных лиц, теперь же свободные граждане сами решали, что производить и за какую цену продавать свои товары.

И наконец, деньги становятся самостоятельным символом стоимости - иначе говоря, происходит отделение стоимости товара от самого товара (подобно тому, как имя уже в ранней античности отделяется от человека, название от предмета, слово от дела). Деньги прочно объединяют в себе функции средства обращения и меры стоимости. Их ценность как средства обращения становится намного выше стоимости содержащегося в них металла, и использовать их по другому назначению оказывается бессмысленно.

Вместе с началом чеканки денег в Греции установились и названия денежных единиц, и соотношение стандартных мер и весов. Основной весовой и денежной единицей стала драхма («горсть») - на изготовление монетки в одну драхму шло примерно 4,4 г серебра, за которые можно было купить барана или бочку ячменя. Названия «драхма» и «обол» (разменная монета, буквально «прутик») настолько прочно закрепились за деньгами, что ими пользовались и в отсутствие самих монет. Даже в консервативной Спарте стоимость товаров оценивалась в драхмах и оболлах.

Монетка в одну драхму была очень маленькой, похожей на серебряную чешуйку, поэтому предпочитали чеканить монеты в четыре драхмы - тетрадрахмы, которые по размеру были почти как нынешний российский рубль. На лицевой стороне монеты изображали голову покровительницы города богини Афины, а на оборотной - сову, ее священную птицу. У греков была пословица: «Не стоит возить сов в Афины», что означало: денег там и так много. Афинские деньги стали настолько популярными, что другие государства Средиземноморья стали чеканить монеты и изображать на них таких же сов. «Совиные» монеты местной чеканки находят в современной Италии, на побережье Малой Азии, в Египте, Палестине, Ираке, Иране, Саудовской Аравии.

В этих деньгах по-своему отразились особенности мировоззрения древних греков. Общество греческого полиса состоит из «неделимых» граждан, а природа

представляется состоящей из неделимых частиц - атомов. Все числа состоят из единиц, и единица также неделима. Греческая математика была очень несложной: она сводилась к арифметике натуральных чисел. Греки не признавали существование дробей, не знали ни нуля, ни отрицательных чисел. Так и денежная система Афин основывалась на неделимой единице - самой мелкой разменной монете, из которых складывается любая цена.

Бурно развивающуюся афинскую экономику сопровождала инфляция, как это происходит и в наше время. Вначале, когда деньги только появились, баран стоил одну драхму, а бык пять, но лет через сто пятьдесят они стоили уже десять и пятьдесят драхм соответственно. Это означает инфляцию примерно 1,5% в год - по нынешним понятиям, весьма умеренный уровень.

Нужно сказать, что на другом конце света, в Китае, также возникла своя денежная система. Вначале в качестве денег там чаще всего использовали красивые океанские раковины каури, а с VI в. до н. э. стали отливать металлические протоденьги в виде уменьшенных копий орудий труда: мотыг, лопат, ножей - и тех же раковин каури. Но при необходимости эти железные и бронзовые изображения использовали как сырье для переплавки. В 221 г. до н. э. император Цинь Шихуанди заменил их настоящими деньгами - круглыми монетами с квадратным отверстием посередине. Эта форма не случайна: круг в китайской традиции символизировал Небо, квадрат - землю, а металл как один из первоэлементов был связан с войной и императорской властью. Монеты с квадратным отверстием просуществовали в Восточной Азии вплоть до XIX века, когда их вытеснили новые, сплошные «круглые» деньги по образцу американского серебряного доллара. (Китайское название «юань», японское «йена», корейское «вона» означают «круглый».) Однако традиционная китайская цивилизация устроена так, что денежная система осталась там лишь вспомогательным средством, а не основой экономики.

Глава 7. СРЕДНИЙ КЛАСС И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Мы уже говорили о том, что свободный человек античности первоначально был человеком, принадлежащим к слою родовой знати. От него требовалось обладать качествами, соответствующими благородству его происхождения: быть храбрым на войне, а в мирной жизни - щедрым и справедливым. Он должен был быть благочестивым - тот, кто осмеливается не подчиняться власти и воле богов, кто уклоняется от своего религиозного долга, навлекает их гнев и на себя самого, и на свой род, и на весь полис. Как полновластный правитель своего дома-государства, он обладал царским достоинством и был равен другим свободным людям, а значит, никто не мог приказывать ему - так, как он сам приказывает рабам, - никто не смел вмешиваться в его частную жизнь. Но закону он подчинялся добровольно, потому что справедливость и закон - выше людей и потому что сами боги подчиняются им.

Когда в Афинах VII - VI вв. до н. э. права знати были распространены на широкие слои лично свободных людей, то и старинный кодекс чести «прекрасного и доблестного» аристократа стал основой представлений о гражданской добродетели. И этой добродетелью свободный гражданин демократического полиса должен был обладать на том же основании, что и аристократ прежних времен, - по праву рождения. Добродетели нельзя научить, но каждый может и обязан воспитать ее в себе во славу родного города и ради чести предков. Но это относится ко взрослым, зрелым людям; что касается детей, все сыновья свободных граждан в Афинах должны были ради воспитания своей добродетели учить наизусть поэмы Гомера. Их герои считались наивысшим воплощением тех качеств, которыми должен обладать настоящий свободный человек.

Однако мудрыми теперь называли тех, кто устанавливал законы и провозглашал: «Мера во всем». Воинственные, необузданные цари древней эпохи уже не могли служить образцом для обычного гражданина в обычной жизни. Пока Афины были на подъеме, об этом противоречии никто не задумывался. Но наступило время, когда стали появляться люди, задававшие себе вопрос: кто же и благодаря чему должен править полисом?

Платону афинский демократический строй представлялся лишенным всяких разумных оснований. Почему-то для управления кораблем зовут опытного кормчего, а государственные дела афиняне считают возможным доверять кому попало, лишь бы на него указал жребий. В своем диалоге «Государство» философ предложил строить

жизнь полиса так, чтобы каждый в нем занимался своим делом: пусть один человек будет законодателем, другие пусть воюют и следят за исполнением законов, а третьи - подчиняются власти.

Законодателем должен быть тот, кто в наибольшей степени обладает для этого мудростью. Во главе полиса стоит правитель-философ, а ниже него - особое сословие стражников. С самого детства стражники - и мужчины, и женщины - воспитываются в духе суровой добродетели для того, чтобы, став взрослыми, посвятить себя самоотверженному служению государству. У них не должно быть ни собственности, ни семьи, ни привязанностей. Поскольку добродетель считалась врожденным качеством, государство должно определять, какому мужчине следует соединиться с какой женщиной ради получения детей, от рождения обладающих наивысшей возможной добродетелью. Прочие сексуальные отношения запрещаются для всех членов сословия стражников, если они еще не вышли из детородного возраста. Новорожденных младенцев следует сразу отдавать в государственные воспитательные заведения, куда матери приходили бы только затем, чтобы кормить их грудью. Но при этом ни одна женщина не должна была знать, чьего ребенка она сейчас кормит своим молоком.

Низшее и самое многочисленное сословие составляют ремесленники. Платон был потомком одного из знатнейших афинских родов и потому полностью разделял представление о том, что человек, который занят повседневным трудом ради пропитания, не является полностью свободным. Следовательно, он не может в полной мере обладать гражданской добродетелью, - а раз ремесленники этой добродетелью не обладают, то не следует и допускать их к делам государства. Зато им, в отличие от стражников, будет позволено иметь и семью, и собственность.

Правитель государства еще более одинок, чем стражники. У него нет даже личного имущества. Итак, правитель и стражники полностью растворены в государстве, у них отнято имущество и даже право на частную жизнь, которую греки так высоко ценили. Ремесленники, наоборот, лишены возможности хоть как-то влиять на власть. Но сословия в этом государстве не были полностью наследственными: добродетельных ремесленников следовало переводить в стражники, а недостаточно добродетельных стражников - разжаловать в ремесленники.

Некоторые детали этого проекта могут показаться наивными. Будущее поколение стражников не смогло бы выжить - несчастные дети, которых ради высших интересов государства кормит грудью каждый раз другая мать, вскоре умерли бы от несварения желудка. Но Платон открыл своих стражников «на кончике пера»; однако группы людей, которые существуют только ради исполнения функций власти, известны во многих обществах. У таких людей и в самом деле было отнято право на частную жизнь, ослаблены или совершенно оборваны все семейные связи, и, как правило, они даже не могли иметь потомства. Католические священники - правящее сословие средневековой Западной Европы - до сих пор дают обет безбрачия. На Ближнем Востоке - и в древности, и в исламский период, почти до нашего времени - важнейшую роль при дворах правителей играли евнухи. Они были министрами, казначеями, начальниками гарема. В старом Китае государством управляли чиновники, которым вступление в брак и рождение сына-наследника предписывал конфуцианский долг; но и здесь служить в императорских дворцах, торговать драгоценностями и заниматься многим другим могли только евнухи. В этом отношении мысленный эксперимент Платона можно было бы считать вполне подтвердившимся на практике.

Стражники лишены полноценной семейной жизни ради главного, а главное для государства - это добродетель. Кто же именно в полисе наиболее добродетелен и потому достоин быть правителем? Если бы речь шла о традиционном обществе, об этом не пришлось бы и спрашивать. В Китае или в Египте, в Микенском царстве или в Персидской империи, в Африке или в доколумбовой Америке правитель - это посредник между людьми и богами, священный царь-жрец, и правит он потому, что его избрали боги. Однако у греков такие цари-жрецы исчезают уже в гомеровское время, и на их место приходят цари-воины. Правитель, будь то наследственный монарх или избранный законодатель, теперь получает право занимать свою должность - гражданскую, то есть вполне земную должность - только благодаря своим личным качествам, благодаря все той же гражданской добродетели.

Добродетель правителя и должностных лиц первична по отношению к государству, но кто ее оценивает? Самым сильным потрясением в жизни Платона была смертная казнь, к которой афинское государство - самые обыкновенные люди, возмнившие себя источником добродетели и справедливости, - приговорило его

учителя Сократа. Но где гарантия, что даже идеально построенное государство тоже не объявит себя источником добродетели? Этот вопрос так и остается нерешенным.

Нетрудно заметить, что задуманное Платоном государство спроектировано по образцу Спарты - другого, противоположного Афинам полюса греческого мира, где сохранялось традиционное устройство. Пока основанием этого государства остаются мудрость и самоотверженность, оно выглядит очень привлекательным. Но что, если правителем окажется человек, который поставит на место добродетели ничем не ограниченный произвол? И способен ли даже самый мудрый правитель один управлять государством? Что произойдет, если у всех членов общества - и у правителя, и у стражников, и у ремесленников - ради блага государства будет отнято царское достоинство свободного человека?

Уничтожение оснований гражданского общества неизбежно приводит к такому строю, который в наше время получил название тоталитарного. Разумеется, не Платон виноват в том, что европейская цивилизация много раз поддавалась соблазну тоталитаризма. Его «Государство» - все же не инструкция для немедленного применения; значение этой книги определяется другим - это первый в истории античной (а значит, и европейской) мысли труд, в котором разработаны политологические проблемы.

Аристотель, бывший ученик и вечный оппонент Платона, жил в Афинах как чужестранец, не обладавший гражданскими правами. Поэтому он не принимал участия в политических спорах, в борьбе партий и мог смотреть на них спокойно и беспристрастно. Он не был согласен с мнением Платона, что править должен самый мудрый. Во-первых, от мудрости - знания оснований всех вещей - мало толку там, где требуется действовать. Фалеса и Анаксагора называют мудрыми, но они и сами не могли бы сказать, какая польза в этом. В обычной жизни человеку нужна не столько мудрость (*sophia*), сколько рассудительность (*phronesis*). А во-вторых, прежде чем предлагать наилучшее устройство государства, следовало бы изучить, каким это устройство бывает в действительности.

Известно, что Аристотель описал особенности строя всех полисов Греции (большая часть этих трудов не сохранилась). На основании своих исследований он сделал вывод о том, что есть всего три возможности: править государством может

либо один человек, либо немногие, либо многие, - но каждая из этих возможностей дает как правильную, так и выродившуюся форму государственного строя. Если во главе государства стоит один человек по праву рождения - это монархия, если также один человек, но захвативший власть насильно, - это тирания. Если немногие правят потому, что принадлежат к знатным родам и, следовательно, обладают врожденной добродетелью, - это аристократия, а если немногие благодаря своему богатству - олигархия. Если к власти допущены слишком многие: ремесленники, батраки, неимущие - это демократия («власть народа»), а если многие, но так, что их круг разумно ограничен, - это «полития», что, собственно, означает просто государственное, общественное устройство. Из всех видов власти «полития» является наилучшим, а «демократия» - наихудшим. (В дальнейшей традиции слово «демократия» утратило свое отрицательное значение и сейчас обозначает скорее аристотелевскую «политию»; а выродившуюся форму демократического строя иногда обозначают словом «охлократия» - власть безответственной толпы.)

Почему же полития является наилучшим строем? Причина в том, что именно при этом строе жизнь государства меньше всего зависит от случайностей и от произвола отдельных людей. И здесь мы подходим к понятию среднего класса. Считается, что этот термин впервые появляется в трактате Аристотеля «Политика». Однако Аристотель не открыл ничего радикально нового. Его заслуга в другом - сын врача и сам ученый-естественник, он применил к уже известной политической практике теоретические обоснования из области медицины и философии.

В античной медицине здоровье понималось как состояние равновесия, как отсутствие вредных крайностей. Как во Вселенной уравнивают друг друга четыре первоэлемента, так и соответствующие им четыре «сока» - лимфа, кровь, желтая и черная желчь - должны уравнивать друг друга в здоровом теле. Если какой-либо из «соков» слишком разливается или его, наоборот, недостаточно, это вызывает болезни.

В своих сочинениях по этике Аристотель утверждает, что всякая добродетель является золотой серединой между двумя «страстями»: например, благородная щедрость противопоставлена и скупости, и расточительности, а храбрость - одновременно и трусости, и безрассудной смелости. Слои «средних» в обществе

одинаково далек и от эгоизма богачей, и от безответственности неимущих, а следовательно, в своих действиях «он в наибольшей степени руководствуется разумом (phronesis)». Разум здесь - это и обычная рассудительность, житейский здравый смысл, но в то же время, по определению известного исследователя античности Вернера Йегера, - и «неустанное размышление о гражданской добродетели».

Общество, в котором средний класс составляет большинство, не управляется приказами сверху. Оно является свободным и саморегулирующимся, а значит, более динамичным, чем традиционное общество во всех его вариантах. В таком обществе в значительной степени удастся преодолеть противоречия между властью и народом, между бедными и богатыми.

Нужно, однако, еще раз напомнить о том, что для античности «общество» отнюдь не совпадало с «населением». Большая часть населения - рабы, «варвары», греки-чужестранцы - в общество наравне с полноправными гражданами не входила. Что касается уроженцев полиса, то главное, по мнению Аристотеля, - правильно установить для них имущественный ценз. Если в голосовании участвует слишком много бедных, это опасно. Бедняки не могут приобретать хорошее вооружение для войны, в мирное время они также не рискуют своим имуществом, но при этом склонны требовать от полиса слишком много благ в свою пользу. Из-за своекорыстия они не в состоянии принимать ответственные решения. Средний класс будет преобладать там, где неимущих немного, или там, где права им не предоставляются.

По-видимому, «Политика» Аристотеля - не только научный труд, но и еще один проект наилучшего полиса. Но если идеальное государство Платона успешнее всего строится «нигде» - в воображении, в книгах вроде «Утопии» Томаса Мора или мрачнейшего «Города Солнца» Кампанеллы, - то Аристотель предлагал организовать подобные полисы с практической целью: они должны были стать форпостами греческой цивилизации в завоеванных его учеником Александром Македонским странах Востока. Образцом для этих новых городов должна была стать «полития» Афин - наилучший из всех существующих строев. Конечно же, давать гражданские права местному населению в этом случае и не предполагалось: оно должно было заниматься земледелием и ремеслами, а греки - править.

Аристотеля называют отцом европейской учености, поскольку в своих трудах он дал свод всех известных тогда знаний. И хотя в физике его авторитет был поколеблен с появлением экспериментальной науки, в гуманитарных областях до сих пор нельзя обойтись без ссылок на его труды по философии, логике, поэтике. Его «Политика» также сыграла немалую роль в развитии политического мышления Европы.

О том, что в обществе необходим средний класс, говорилось уже в средние века, но особенно влиятельной эта концепция становится в Новое время. Общеизвестно, что без среднего класса не может быть ни гражданского общества, ни рыночной экономики. Но, во-первых, сам термин «средний класс» имеет прежде всего политическое, и только потом - экономическое значение. Этот слой общества составляют не просто люди с определенным уровнем доходов, но ответственно действующие избиратели и налогоплательщики. Доходы среднего класса важны не потому, что они определяют уровень личного потребления; на налоги, уплаченные с этих доходов, граждане содержат власть, и потому они вправе спрашивать с государства и с его отдельных представителей за надлежащее выполнение ими своих обязанностей.

А во-вторых, средний класс в обществе должен не просто присутствовать - к нему должна принадлежать значительная часть населения. Это тем более важно, что у нас, в отличие от античности, «население» почти совпадает с «обществом», и право голоса граждан не ограничивается ни имущественным цензом, ни полом, ни цветом кожи. Если в обществе слишком много бедных, оно не может быть демократическим - это было справедливо для современников Аристотеля и остается справедливым в наше время. В таком обществе неизбежно будут появляться политические деятели, которые призывают «все поделить», «навести порядок» и так далее. Подобных деятелей греки называли «демагогами» (знакомое слово, не правда ли?), то есть «вождями народа», а сейчас их называют популистами.

Для того же, чтобы средний класс как общественная сила обладал добродетелью, он должен быть соответствующим образом воспитан. Хотя в античности считалось, что каждый гражданин, как «существо по природе полисное», уже рожден с соответствующими качествами, но их нужно сохранять и развивать. В последующей европейской традиции представление о врожденной гражданской

добродетели становится основой представления еще более неопределенного - о неких общечеловеческих качествах, которые присущи человеку независимо от его происхождения, от положения в обществе, от того, изучал ли он латынь и умеет ли подписать свое имя. Но в конечном счете и эти «общечеловеческие» качества тоже должно воспитывать образование.

Глава 8. **ОБРАЗОВАНИЕ, КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ НАС ЕВРОПЕЙЦАМИ**

В традиционном «азиатском» обществе владение навыками письма требовало такого же сложного и длительного обучения, как и любая другая профессия. И это обучение письму и чтению еще не было образованием в нашем понимании этого слова. Оно было доступно только высшим сословиям, прежде всего тем, кто был занят управлением. Но после кризиса на рубеже II-I тысячелетий до н. э. в Греции управление своим хозяйством и своим полисом стало делом не специально подготовленных чиновников, а каждого свободного человека.

В гомеровские времена греки были поголовно неграмотны - сложная письменность, которую использовали дворцовые писцы, исчезла навсегда. Но греки заимствовали у финикийцев их простой и удобный алфавит и остроумно приспособили его к языку совсем другого строя. Они добавили несколько значков, а главное - начали обозначать на письме и гласные звуки. (Двадцать две буквы финикийского алфавита означали только согласные. Поскольку в семитских языках основу слова создают именно согласные звуки, а гласные лишь выражают грамматические показатели, этого было достаточно.)

Научиться читать и писать с помощью такого алфавита можно было совсем быстро, и всеобщая неграмотность уходит в прошлое. Теперь грамотными были не только свободные мужчины, но нередко также и женщины, а в Афинах - даже рабы.

Мальчиков, будущих граждан, в период подъема демократических Афин обучали очень несложным, на наш взгляд, вещам. Прежде всего необходимыми

считались гимнастика и фехтование, которые готовили их к войне. Их учили петь и танцевать, чтобы, став взрослыми, они могли участвовать в общегородских религиозных праздниках. Они овладевали грамотой и счетом и выучивали наизусть «Илиаду» и «Одиссею» - вот и все. Основам будущей профессии, так называемым практическим искусствам, учили только в семье, а способность управлять мыслилась теперь как врожденное качество свободного человека, не требующее обучения.

Взрослые мужчины свое время, свободное от дел и от политики, днем проводили в гимназиях - специальных залах для физических упражнений, а по вечерам дружеские компании нередко собирались на пирушки. Говорить о делах на досуге было не принято, и большинство собравшихся развлекало себя разговорами на вечные темы, которые до сих пор волнуют мужчин на военных сборах или за выпивкой. Но были и те, кто предпочитал беседовать о более возвышенных предметах, и гражданская добродетель, обязанности свободного человека занимали в их беседах немалое место.

В V веке до н. э. некоторые люди заявили, что берутся обучать добродетели. Софисты - странствующие учителя мудрости - разъезжают из города в город и, конечно же, появляются в Афинах. Они говорят о том, о чем никто прежде не говорил: ничто в мире не может быть хорошим или плохим, полезным или вредным само по себе. Например, соленая морская вода вредна и губительна для человека, но не для рыб, которые живут в море. Эллины заботятся о своих отцах, когда те достигнут старости, скифы же, наоборот, своих отцов с почтением поедают. Готовой истины не существует, и об одном и том же можно утверждать разное. Поэтому успешнее убеждает своих слушателей не тот, чья речь правдивее, а тот, кто лучше говорит. Ведь именно

слово может слабую вещь сделать сильной, а сильную - слабой. Слово покоряет людей и превращает их в «рабов по собственной воле» - нужно только уметь им пользоваться, а любому умению человека можно и нужно научить. Софисты первыми исследовали приемы мышления и стали преподавать ораторское искусство.

Они выступали с лекциями и за огромные деньги давали уроки сыновьям богатых граждан. Многим это казалось предосудительным: ведь всем было известно, что добродетель дается человеку от рождения и что научить ей нельзя. Да и откуда бы

софистам самим знать, что такое добродетель? А уж брать за это плату, учить пользоваться ловкими приемами при выступлении...

Пока одни молодые люди слушают софистов, другие собираются вокруг Сократа. Он целыми днями беседует с юношами из лучших семей, но, не желая ни в чем походить на софистов, называет свои беседы досугом, а не обучением. Он небогат, но не требует за эти беседы денег: там, где идет речь о добродетели, нельзя уподобляться ремесленнику.

И если софисты подвергали сомнению истину, то Сократу казалась сомнительной политическая жизнь Афин. Чтобы ее исправить, нужно вырастить новое поколение граждан, достойное своего города. Сократ стремится раскрыть в своих молодых друзьях добродетель и врожденное знание и для этого без конца задает им вопросы. Он рассуждает с учениками о том, что такое благо, какова человеческая душа, в чем состоит настоящее дело оратора в народном собрании и о многом другом. Однако были люди, которым эти беседы тоже казались подозрительными. Сократа обвинили в том, что он не почитает богов и плохо влияет на молодежь, и приговорили к смертной казни.

Спор между двумя направлениями, которые наметились в образовании, продолжался еще несколько веков. Софисты и их последователи видели свою цель в воспитании обычного, рядового гражданина. Его следовало прежде всего научить думать и говорить о политических, правовых, нравственных вопросах, и потому стержнем этого направления была риторика - система правил ораторского искусства. Второе направление обращалось не ко всякому человеку, а лишь к избранным, к тем, кто способен задуматься о скрытых за повседневностью основаниях жизни. Для обозначения такого человека Платон придумал слово «философ» - бескорыстный любитель истины.

Впрочем, сам Платон уже не был бессребреником, как его наставник Сократ. Кружок друзей-учеников становится для него - а в будущем и для других признанных философов - таким же источником существования, каким были ученики и для софистов. А название такого кружка - «схолэ», обозначающее досуг, непринужденное общение свободных людей, - по иронии судьбы превращается в название вполне формального учебного заведения: от этого греческого слова происходит наше «школа».

К IV в. до н. э. софистико-риторическое и философское направление в образовании не примирились, но пришли к компромиссу. Теперь прежнее обучение письму, чтению и счету становится лишь начальной ступенью. На следующем этапе - в риторической школе - молодых людей готовили для их будущей основной деятельности в качестве граждан, то есть для участия в суде и политике. Каждый свободный гражданин должен был уметь выступать как судебный или политический оратор, способный склонить аудиторию на свою сторону. Это было тем более необходимо, что наемных судебных ораторов - адвокатов - у греков не было, они появились только в Риме. Но намного чаще, чем самому произносить речи, гражданину приходилось слушать чужие выступления, а после них - принимать ответственное решение при голосовании. Поэтому риторика, позволяющая не только говорить ясно и убедительно, но и быть квалифицированным слушателем, была для античных школьников основным предметом.

Для большинства обучение на этом заканчивалось. Когда юноши достигали 16 - 18 лет, они становились молодыми воинами, а кроме того, должны были брать на себя хозяйственные обязанности. Право голосовать и занимать должности они получали намного позже - в возрасте 30 лет. Однако богатые люди могли учиться и дальше у философа. Те, кто имел достаточно денег, чтобы утолять свою жажду знаний, проводили в философской школе долгие годы.

Таким образом, уже в античности складывается разделение европейского образования на этапы грамматической, риторической и философской школы, которые сохранились до наших дней как школа начальная, средняя и высшая. Сохранился в основном и круг предметов, которым обучают школьников, от истории до физики: это знания, позволяющие свободно судить о мире и о человеческом обществе. Что касается античного «высшего» образования, его единственной задачей было научить человека быть свободным, и прежде всего - научить свободно мыслить.

Мы не всегда различаем образование и профессиональную подготовку, но древние греки хорошо понимали разницу между ними. Профессиональное обучение всего лишь делает человека гончаром, сапожником, врачом и так далее, готовит его к практической деятельности и к зарабатыванию денег. Задача образования состоит в другом - в том, чтобы сделать человека человеком, воспитать в нем свободную душу.

Благодаря системе образования складывавшееся столетиями рациональное мышление получает окончательное оформление и становится неотъемлемой частью европейской культуры. Эта система образования, которая сложилась в Афинах, распространяется не только во всем грекоязычном мире, но ее заимствуют и в свою очередь распространяют и римляне. Она сохраняется и в поздней античности, когда в Европе вновь проявляются черты традиционного общества, и в Средние века - в университетах на Западе. В Новое время расширение гражданских прав не случайно идет параллельно с расширением права на образование. Обязательное среднее образование - необходимое условие существования и античного, и современного гражданского общества.

Но, кроме средней школы для всех, европейскому обществу нужна и система школ, где специально изучают античное наследие. Известно, какую роль играла классическая гимназия в дореволюционной России. В современной Германии из гимназических классов, в которых несколько лет преподается латынь, по-прежнему выходят не только будущие специалисты-гуманитарии, но также деловая и политическая элита. С другой стороны, стоит вспомнить и о том, какое внимание развитию умения говорить - важнейшего умения гражданина, хотя бы он и не занимал никаких постов, - уделяется в средней и высшей школе США. Что касается высшего образования, оно и в современном мире должно формировать не только узких специалистов, способных зарабатывать много денег.

Глава 9. **ЧТО ТАКОЕ ЕВРОПА?**

Магистральный путь развития человечества вел к обществу со сложной наследственно-профессиональной структурой, с неограниченной священной властью царя и всеохватывающим чиновничьим аппаратом. «Азиатское» общество характерно не только для Старого Света - такой же строй существовал в цивилизациях доколумбовой Америки, начало движения к нему можно заметить и в тропической

Африке. За пределами Европы оно развивалось и изменялось в течение почти четырех тысячелетий, но так и не породило никакого рабовладельческого строя.

Европа же зародилась тогда, когда ее развитие свернуло с этого магистрального пути истории. Возникновение европейской цивилизации можно сравнить с появлением человека в мире животных: и то, и другое - чудо, которого могло бы и не произойти.

Как биологический вид *Homo sapiens* во всем уступает представителям высших отрядов млекопитающих. У него нет ни сильных конечностей, ни многокамерного желудка, способного переваривать хоть опилки, ни острых рогов, ни зорких глаз - в общем, ему далеко до тигра, оленя или бегемота. Он проигрывает даже в сравнении со своими «ближайшими родственниками»: вместо нижних рук - уродливая стопа, шерсти нет, зрелость приходит поздно.

Остальные животные приспособлены к условиям своей жизни с самого рождения. Совершенствоваться может лишь вид в целом, хотя многие из них - например, крокодилы - достигли своего совершенства много миллионов лет назад, и с тех пор им незачем меняться. Но отдельная особь уже не может стать чем-то другим, даже если она принадлежит к еще молодому, развивающемуся виду: тигр рождается и остается тигром, а заяц зайцем.

Человек же выжил вопреки своей слабости и заселил всю планету - от тропических лесов до холодной Огненной Земли и берега Ледовитого океана - благодаря своей способности к индивидуальному развитию и гибкости своего ума. А потому родиться существом своего биологического вида для него еще недостаточно. Он должен становиться человеком в течение всей своей жизни - и, хотя социальные отношения и создаваемая людьми «вторая природа» развиваются со временем, в этом отношении житель современного многомиллионного города, окруженный чудесами техники, ничем не отличается даже от первобытного бродячего охотника.

Разница между ними лишь в том, что этот охотник - не отдельная человеческая личность, а член своего родственного клана, своей тотемной группы, как бы точка пересечения многообразных социальных связей внутри племени. В традиционных цивилизациях есть плотники, кузнецы, гончары, чиновники и так далее, но нет людей. Только в «неправильной» античной цивилизации человек - это прежде всего человек вообще, человек как таковой, а потом уже плотник, сапожник или врач. Ничто не

мешает ему владеть многими профессиональными навыками, в течение жизни не раз менять род занятий - это не меняет его внутренней сущности. Человеческая личность оказывается чем-то большим, чем любая из возможных профессий.

Традиционное общество не знало другого способа обучения, кроме усвоения опыта старших путем подражания. Такое обучение неизбежно продолжалось много лет. Но для новой действительности оно оказалось слишком громоздким, и постепенно складывается более рациональное осмысление приемов профессии. Приемы любой деятельности могут быть сформулированы как последовательная система правил - «технэ», которая дает возможность относительно быстро научить человека новой профессии. Теперь сделалась ненужной жесткая пожизненная специализация, а значит, общество стало намного более динамичным.

Представьте себе, уважаемый читатель, что вдруг пропали учебники для будущих поваров, слесарей, электромонтеров, исчезли все книги, которые советуют нам, как отремонтировать квартиру своими руками, составить балансовый отчет, приготовить корейские салаты, освоить новую компьютерную программу и так далее. Что было бы с нами, если на обучение любому из этих дел пришлось бы тратить полжизни? Если бы человечество продолжало развиваться по традиционному пути и не нашло способ передавать знания в форме «технэ», ни электричество, ни компьютеры никогда бы не появились, читать умели бы немногие избранные, да и с корейскими салатами европейцы вряд ли смогли бы познакомиться.

В Древней Греции впервые возникла рыночная экономика: отношения между независимыми семейными хозяйствами и вообще экономические отношения свободных людей регулировались теперь безличным денежным обращением, а не межсословным обменом и не приказами чиновников. Как глава своего независимого хозяйства, каждый из свободных людей обладал царским достоинством. В его частную жизнь, в дела его маленького царства не могли вмешиваться ни государство, ни другие люди.

Складывается совершенно иная система власти, которой не знало традиционное общество, и умение управлять государством требуется теперь от каждого. Свободные граждане совместно обсуждают государственные дела и выносят решения, а также участвуют в управлении своим полисом в качестве сменяемых должностных лиц. В

обществе, состоящем из свободных людей, утверждается принцип равенства перед законом, формализованное право, возникает соревновательный суд.

Противостояние власти и народа, обязанного этой власти подчиняться, в значительной степени снимается, так как в обществе появляется совершенно новый слой - средний класс. Государство, в котором правят сильные и многочисленные «средние», Аристотель считал лучшим из всех возможных, поскольку именно этот слой способен действовать в наибольшем соответствии с гражданской добродетелью.

Свободный гражданин вправе иметь собственное мнение и отстаивать его перед другими, в особенности когда речь идет о правосудии и делах государства. Поэтому одним из оснований гражданского общества является принцип свободы слова, и красноречие, которое в обществе традиционном было ритуальным атрибутом правителя, становится для греков жизненно необходимым. Оно нужно для гражданской жизни точно так же, как искусство владеть мечом нужно для войны.

Со временем эта область деятельности подверглась такому же осмыслению, как и практические ремесла. Были разработаны специальные искусства речи - системы правил, позволяющие научить человека ясно рассуждать и убедительно говорить. Они стали основой системы образования, которая была выработана в Афинах к IV в. до н. э. Целью этой системы было воспитание свободного человека, развитие его гражданской добродетели. Несмотря на все исторические изменения, европейская система образования до сих пор сохраняет те основные черты, которые впервые появились в афинском гражданском обществе (разделение на начальную, среднюю и высшую школу; состав знаний, которые считаются необходимыми).

Греческую образованность в той или иной мере заимствовали окружающие народы. Среди них важнейший вклад в европейскую цивилизацию внесли римляне. Греки высоко ценили свою независимость, и потому в каждом полисе у них были свои законы. Рим тоже когда-то был небольшим полисом, но шаг за шагом он завоевывал окружающие италийские города, а потом и целые страны. На всем завоеванном пространстве утверждалась единая правовая система и государственное управление. Римское право стало второй важнейшей составной частью европейского кода. Со времени завоевания Греции границы распространения европейской цивилизации

совпадали с границами Римского государства. Политическое и правовое наследие Рима до сих пор определяет собой существование Европы.

Несмотря на то, что с первых веков нашей эры Европа все больше развивалась по «правильному», традиционному пути, в ее культуре и системе образования сохранились унаследованные от античности рациональное мышление и представления о свободе человеческой души. Но если прежде те, кто занимался физическим трудом, были людьми второго сорта, то под влиянием христианства труд начинает восприниматься как достойное занятие свободного человека. Поэтому в европейской культуре становится возможным технический прогресс: в средневековых католических монастырях монахи, чтобы освободить время для молитвы, изобретают один за другим полезные механизмы и применяют их в работе. В Европе развивается наука (вначале - в рамках богословия); затем в европейской культуре вновь «прорастают» представления о правовом государстве и гражданском обществе, заново складывается рыночная экономика.

Традиционные, неевропейские общества развиваются медленно. Их задача - все время сохранять себя в прежнем, устойчивом состоянии. Европейская же цивилизация, в отличие от традиционных обществ, постоянно находится в развитии. Европы никогда нет в настоящий момент, она всегда в будущем - и только так может существовать.

Всегда остается и опасность того, что европейское общество может вернуться в квазисословное состояние. Сформировались силы, противостоящие этому, но это еще не значит, что возврат стал невозможным. Когда рушится сложившаяся культурно-политическая надстройка, когда вырываются из-под контроля первобытные инстинкты, общество может снова начать жить по законам джунглей.

Свободная экономика, которая появилась в Древней Греции и достигла расцвета в Афинах, поначалу развивалась весьма динамично. Но это развитие по существу представляло собой ряд кризисов, которые обществу приходилось преодолевать. Уже реформы Солона были вызваны необходимостью устранить наиболее опасные последствия недавно возникшего денежного обращения, привести строй полиса в соответствие с новой ситуацией.

Для развития самого земледелия солоновские реформы были совсем не благоприятны. Наследственные владельцы знали, что земля достанется их детям и

внукам, и заботились о том, чтобы каменистая, малоплодородная почва не истощалась; напротив, арендаторы не заглядывали в будущее и стремились за несколько лет выжать из участка все возможное. Доход, который приносило земледелие, по-прежнему оставался низким - он составлял всего лишь 7-8% от стоимости земли в год.

Развитие ремесла, напротив, в результате этих реформ заметно ускорилось. Исконная связь человека с его родом, с занятиями предков была окончательно разорвана, а благодаря появлению нового знания-«технэ» любое ремесло можно было освоить по собственному выбору и достаточно быстро.

Известно, что положение ремесленника считалось унижительным для достоинства свободного человека. Но, с другой стороны, в Древней Греции не было профессиональных корпораций, которые не допускали бы чужих в свои ряды, поэтому ремеслом мог заниматься всякий, кто ради заработка был готов пренебречь старыми аристократическими предрассудками. А если человек не решался стать ремесленником у себя на родине, он мог уехать в другой полис и жить там на положении чужестранца-метэка - такой поступок не запрещался, хотя и осуждался как непатриотичный.

Чем дальше развивалась экономика независимых производителей, тем больше она вступала в противоречие с государственным устройством, основанном на личной свободе. Заметно ослабла солидарность по отношению к военной службе. Теперь деловые люди - и международные торговцы, и те, кто уезжал в другие полисы, - охотнее откупались от нее, чем приобретали вооружение. Поэтому вместо ополченцев на войну отправлялись профессионалы-наемники.

С другой стороны, значительной силой становится низший слой свободных граждан. Эта «корабельная беднота» была необходима в тех полисах, которые обладали сильным военным флотом, - прежде всего в Афинах. Государство давало им небольшие денежные пособия; и политик, сумевший провести постановление о дополнительных выплатах, мог рассчитывать на свою популярность. Деньги при этом брались из казны, которую наполняли другие - люди, не имевшие права голоса. Социальные противоречия особенно обострились после долгой и разорительной Пелопонесской войны.

Кризис полисного строя тревожил многих мыслителей. Стали появляться проекты общественного переустройства, которое должно было восстановить солидарность гражданского коллектива и обеспечить его членам достойную жизнь. Для древних греков это означало возможность жить, не занимаясь материальным трудом и не зарабатывая денег; поэтому и у Платона, и у Аристотеля, и у тех авторов, которые предлагали разделить имущество по справедливости, передав его от дурных людей и негодяев людям честным, есть одна общая черта: они не сомневались, что материальные блага для граждан полиса должны создавать другие - рабы, вольноотпущенники, метэки, «варвары».

К 338 году до н. э. почти все полисы Греции были объединены в союз, во главе которого стояла Македония. Затем объединенное греко-македонское войско двинулось в Малую Азию, чтобы освободить от власти персов тамошние греческие города и захватить столько добычи, сколько удастся. Но персы сопротивлялись недостаточно упорно, их армия отступала в глубь страны, проигрывая одно сражение за другим, и почти неожиданно для себя царь Александр Македонский оказался властителем огромной империи, протянувшейся от Средиземного моря до берегов Инда.

И политическая, и хозяйственная жизнь эллинистического мира очень скоро приняла формы, свойственные традиционному обществу. Но в наследство этому миру достались развитая денежная система и ее порождение - рынок. Они не только продолжали существовать, но и все шире распространялись по всему Старому Свету. Благодаря им сложился облик городов Востока с их огромными многолюдными базарами, а торговые пути прочно связали друг с другом самые отдаленные страны - от тропической Африки до Китая.

От классической античности были унаследованы также система образования и словесность (включавшая и поэзию, и философские трактаты, и судебные речи, и многое другое). И вместе с ними сохранился, хотя и подспудно, исходный смысл античного образования - идеал человека как гражданина, свободной человеческой личности.

Возникший в результате завоевательных походов, эллинистический мир вскоре ожидало новое завоевание - к западу от него креп и возвышался Рим. Вначале небольшой полис, он быстро покорил соседние городки родственных племен,

подчинил себе богатый и цивилизованный народ этрусков, а затем, после упорных войн разбив и уничтожив Карфаген, стал господствовать не только в Италии, но и во всем западном Средиземноморье.

Глава 10. АНГЛИЯ: ПУТЬ, КОТОРЫЙ ПРИВЕЛ К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Свободная рыночная экономика Нового времени не является прямым и непосредственным продолжением рыночной экономики античного полиса. Но, как и в античности, она зародилась на окраине средневековой Европы, которая в целом жила по законам традиционного общества.

Период так называемых «средних веков» принято отсчитывать от 476 года, когда в Риме был низложен последний император Ромул Августул. Однако в представлении людей того времени даже столетия спустя после гибели Западной Римской империи все страны Европы оставались ее провинциями. Правители возникших на ее обломках варварских королевств привлекали на службу образованных людей - «последних римлян», как их назовут позднейшие историки. Указы, официальные письма и анналы (летописи) составлялись на латинском языке даже там, где в быту говорили на языках германских.

Знание латыни было совершенно необходимо не только для королевских чиновников, но и для духовенства - на этом языке шла церковная служба, на нем были написаны Библия и богословские труды. Изучить же латынь было невозможно, не получив и более широкого образования, которое включало знакомство со словесными и математическими «искусствами» и с избранными текстами языческих авторов. Поэтому уже в первые десятилетия средневековья был выработан канон образования, который позволил сохранить основы античной культуры.

В XIV - XV веках Западная Европа переживала жестокий кризис. Показная роскошь верхов здесь соседствовала с бедностью низов, нередко доходившей до такой же показной нищеты, в лесах бродили шайки разбойников, на городских площадях жгли еретиков и ведьм. Человек этого времени был уверен, что вскоре должен

наступить конец света, тоска и усталость не покидали его даже в самые радостные минуты.

Но конец света не наступил. Напротив, с XIV века начались огромные изменения в культурной, религиозной, политической, экономической жизни Европы, которая шаг за шагом все дальше уходила от средневековья. Именно в это время появляется и само выражение «средние века». Так называли недавнее время деятели Возрождения - те, кто увлекся изучением открытых заново древних авторов.

К концу средних веков одним из наиболее развитых в экономическом отношении районов Европы были Нидерланды, особенно их южная часть - Фландрия. Сельское хозяйство здесь давало высокие урожаи благодаря применению передовых приемов; кроме продовольственных культур, выращивали также лен, коноплю и красящие растения для текстильной промышленности. В этой небольшой стране насчитывалось множество городов, а Брюгге и Антверпен были не только ремесленными, но и финансовыми центрами общеевропейского значения.

Если Францию заставила объединиться необходимость противостоять норманнской угрозе, то в Англии возникновение централизованного государства связано с норманнским завоеванием. В 1066 году правитель Нормандии герцог Вильгельм переправился через Ла-Манш, разбил войско англосаксов и стал английским королем. Он раздал земли завоеванной страны своим приближенным, а двадцать лет спустя провел всеобщую земельную перепись, благодаря которой королевская власть очень рано получила возможность распоряжаться всеми земельными ресурсами.

В отличие от стран континентальной Европы, в Англии никогда не было громоздкой, многоступенчатой феодальной системы. С самого начала и бароны, и рыцари - знатные и незнатные члены военного сословия - должны были являться со своими отрядами в войско короля, и землю за это они также получали от короля, а не от его герцогов.

Что касается экономического устройства, то его основой, как и в других странах, первоначально был труд зависимых крестьян на земле феодала. Со временем натуральная отработка все больше заменялась денежными платежами, а среди крестьян, работавших на феодала, росло число лично свободных. То же самое происходило и на континенте, но в Англии этот процесс шел быстрее. Свободных же

земледельцев, владевших собственным участком земли, было немного - в XI веке они составляли всего 12% населения.

Прохладный и влажный климат Британских островов не позволял получать высоких урожаев, а феодалам и королям требовалось все больше денег. Самым выгодным из сельскохозяйственных занятий в средневековой Англии оказалось овцеводство. Практичные и теплые шерстяные ткани носили и знатные господа, и горожане, и зажиточные крестьяне. Шерсть можно было продавать во Фландрию - фламандские ткачи вырабатывали из нее сукна, которыми снабжали всю Европу. Шерстяные ткани были одним из основных товаров в торговле и с Восточной Европой, и с мусульманскими странами. Поэтому овечьи пастбища постоянно расширялись, открывались все новые прядильные и суконные мастерские.

Король Иоанн, прозванный Безземельным, не пользовался любовью своих подданных. После очередного военного поражения возмущенные вассалы подняли против него восстание. По требованию восставших в 1215 году была утверждена Великая хартия вольностей, которую многие историки называют первой в мире конституцией. Отныне основные законы английского государства должны были приниматься королем только с согласия Высшего совета, куда входили представители знати. Но, кроме прав знатных людей, этот документ защищал также и права рыцарей, горожан и свободных крестьян: в нем провозглашалось, что ни один свободный человек не может быть подвергнут аресту, конфискации имущества или другому наказанию иначе, как по приговору суда равных ему. Таким образом, все свободные люди Англии получали определенные гарантии от произвола властей, пусть и весьма неполные, а королевская власть впервые в истории была ограничена не религиозными или моральными, а формальными юридическими нормами.

Полвека спустя Генрих III постановил, что его подданные могут приносить жалобы в суд присяжных на действия королевских чиновников и лордов. Почти сразу же он хотел было отказаться от этого постановления, но рыцари, горожане, студенты Оксфорда и свободные крестьяне вновь подняли восстание. Они разбили королевские войска, взяли в плен короля вместе с наследным принцем и захватили власть в стране. Предводитель восставших созвал новый Высший совет, получивший название парламента - буквально «места, где разговаривают». В нем заседали не только знатные лорды, как прежде, но также рыцари и горожане, избираемые от графств и городов.

Вернув себе власть, король не уничтожил парламент, не сделали этого и его преемники. Несмотря на то, что королям пришлось уступить значительную часть своей власти, этот орган оказался полезным и для них, поскольку рыцари и горожане в нем уравновешивали влияние знати. Решения парламента были обязательны для всех подданных государства - так, без его согласия не мог взиматься ни один налог. Участие в управлении государством рыцарства и горожан способствовало централизации страны ничуть не меньше, чем усиление королевской власти во Франции. А поскольку любое решение в парламенте принималось только после предварительного обсуждения, уже в средние века в Англии возникает явление, невозможное для остальной Европы, - политическая свобода слова.

С XII века английские короли освободили баронов от обязанности являться на войну, но взамен те должны были платить особый налог. На эти «щитовые деньги» стали набирать войско - вначале из рыцарей, а затем также из свободных крестьян и горожан. Пехотинцы неблагородного происхождения были дисциплинированнее рыцарей, ими было легче командовать в бою. К тому же они были искусными лучниками - их стрелы поражали цель без промаха, а доспехи противника пробивали насквозь. Такая пехота, сражавшаяся в сомкнутом строю, стала основной силой нового войска, превосходство которого ярко проявилось во время Столетней войны с Францией. В битве при Креси в 1346 году французы потеряли убитыми около полутора тысяч рыцарей; потери же с английской стороны были намного меньше, в том числе погубило всего трое рыцарей. Англичане еще много раз наносили противнику сокрушительные поражения, прежде чем оказались все же вытесненными с континента.

В середине XIV века по всей Европе прошла «Черная смерть» - страшная эпидемия чумы, которая унесла не меньше трети ее населения. Еще почти сто лет чума возвращалась, вспыхивая то там, то тут. После нее стало не хватать рабочих рук, многие земли оказались заброшенными. Чтобы не лишиться доходов, землевладельцы в Англии отводили все больше земель под овечьи пастбища. Они захватывали пустоши, луга и пастбища, находившиеся в общинном пользовании крестьян, а затем стали присоединять к ним и поля. Захваченные земли окружались рвами и живой изгородью, и ими не имел права пользоваться никто, кроме владельца.

Округляя свои владения, феодалы нередко выселяли крестьян из их домов, разрушали целые деревни. Зажиточные свободные крестьяне также расширяли свои хозяйства за счет земли обедневших соседей. Немалая часть сельского населения страны была при этом насильственно освобождена от личной зависимости, согнана с земли и лишена возможности вести натуральное хозяйство. Для них оставалась только одна возможность выжить - продать свои рабочие руки. Они нанимались в батраки или уходили в город, чтобы стать там поденщиками, грузчиками, рабочими на стройках.

Сто лет спустя после эпидемии чумы Англия пережила междоусобную войну за престол - так называемую войну Алой и Белой Розы. В ней погибла почти вся старая феодальная знать, и в результате возросло значение средних слоев, которые выплачивали основную часть налогов: рыцарей, все больше превращавшихся в сельских хозяев - «джентльменов-фермеров», свободных крестьян, ведущих фермерское хозяйство, купцов и верхушки ремесленного сословия.

Островное положение Англии с самого начала позволяло держать под контролем не только земельные ресурсы. Внешняя торговля велась всего через несколько крупных портов, и короли могли приказывать, чтобы таможенная служба не допускала ввоза иностранных товаров, которые конкурировали с английскими, или, напротив, препятствовала вывозу тех или иных товаров за пределы страны. По сравнению со странами континента здесь было проще наладить и сбор налогов.

В XV-XVI веках английское государство уже отнюдь не пренебрегало управлением экономикой, но действовало оно в соответствии со средневековыми представлениями: еще больше ограничивало свободу внешней торговли, покровительствовало цеховому ремеслу в ущерб сельским мануфактурам. Так, был запрещен экспорт сырой шерсти, которая стоила гораздо дешевле готового сукна; суровое наказание, вплоть до смертной казни, полагалось также за вывоз овец или ягнят английской тонкорунной породы.

Чтобы поддержать цех лондонских шляпников, Елизавета I приказала своим подданным носить по воскресеньям и праздникам шерстяные шапки - нарушивших этот приказ ставили к позорному столбу. В интересах владельцев рыболовных судов по всей стране вводились еженедельные «рыбные дни»; чтобы подавать в такие дни к столу мясо, требовалось купить лицензию за немалые деньги. Издавались законы о

стандартизации ремесленной продукции; появились должностные лица, которые должны были следить за соблюдением цеховых стандартов и регламентов и взимать штрафы за их нарушение. Делалось все это не столько ради поддержки отечественной промышленности и торговли как таковых, сколько ради наполнения королевской казны золотом - в те времена считали, что накопленное золото и есть богатство страны.

Власть активно вмешивалась также в отношения между хозяином и его работниками. Самые ранние «законы о бедных» появились вскоре после «Черной смерти», и чем дальше, тем более свирепыми они становились. По закону, изданному при Елизавете I, наемный рабочий был обязан трудиться не менее двенадцати часов в день и не мог покинуть хозяина до истечения срока найма под страхом тюрьмы. Все, кто не имеет источников существования, бродяжничает или просит милостыню, должны были быть схвачены, подвергнуты наказанию кнутом и принуждены к труду насильно.

Преемники Елизаветы, короли англо-шотландской династии Стюартов, считали свою власть абсолютной, были уверены в своем праве требовать любых налогов и без суда наказывать всех инакомыслящих. В результате их политики Англия оказалась перед угрозой быть вытесненной из международной торговли - это означало бы потерю источников дохода для значительной части буржуазии.

Противостояние абсолютистской власти и недовольных ею подданных, «партии двора» и «партии страны» перешло в гражданскую войну. Король Карл I был обвинен в государственной измене, совершенной им против своего народа, и приговорен к смертной казни. Затем последовали провозглашение в стране республики, диктатура Кромвеля, возвращение изгнанных Стюартов; политическая борьба находила свое продолжение в борьбе религиозной - между англиканской церковью, католиками и радикальными протестантскими сектами.

В это время возникли и собственно политические партии вигов (либеральная) и тори (консервативная) - первые партии современного типа. Депутаты парламента должны были принадлежать либо к тем, либо к другим. Эти партии отстаивали каждая свою систему взглядов, предлагали свои меры для развития страны и были готовы подвергнуть критике взгляды и действия друг друга. Парламентская борьба двух

ведущих партий - правящей и оппозиционной - до сих пор составляет основу политической жизни Великобритании, хотя место вигов теперь занимают лейбористы.

В 1679 году по предложению либеральной партии парламентом был принят Закон о свободе личности, обычно называемый «Habeas Corpus Act» по первым словам латинского текста. Он устанавливал, что никто в Англии не может быть подвергнут задержанию или аресту без решения суда; арестованный, которому судебное обвинение не предъявлено в течение суток, имеет право требовать освобождения из-под стражи.

В 1688 году парламент пригласил на престол зятя Иакова II Стюарта - голландского принца Вильгельма Оранского. Этот последний государственный переворот в истории страны получил название «славной революции». Именно «славная революция» покончила с абсолютизмом: исполнительная власть короля и правительства была поставлена под контроль парламента, то есть законодательной власти. В работе парламента запрещалось участвовать людям, состоявшим на королевской службе, - другими словами, государственным чиновникам. Тон в нем задавали представители крупного торгового капитала и землевладельцы, то есть те, кто обеспечивал поступление налогов в казну. Была упразднена цензура и установлена независимость судов - третьей ветви власти - от постороннего вмешательства.

Вскоре после «славной революции» были проведены важнейшие экономические реформы - так называемая Великая перечеканка. Экономика Англии находилась на подъеме, но ее развитию мешало непрерывное обесценивание денег из-за порчи монеты. Это явление было очень распространено в Европе того времени: портили монету и государи, когда выпускали ее с пониженным содержанием драгоценных металлов, и население, когда срезало у полновесных монет края.

Чтобы противодействовать порче, английское правительство начало выпускать высококачественную монету с установленным содержанием серебра. Впервые в мире для чеканки денег применялись машины; у монет появился ребристый ободок, который не давал возможности незаметно обрезать их и затруднял их подделку. Однако эти меры не дали результатов - из-за того, что новые деньги высоко ценились, их стали вывозить контрабандой, а внутри страны по-прежнему ходили только порченые монеты.

К решению проблемы были привлечены лучшие умы Англии - в обсуждении проекта перечеки и в ее проведении участвовали философ Дж. Локк, астроном Э. Галлей и другие ученые, а одним из ее непосредственных руководителей был Исаак Ньютон, впоследствии возведенный за это в рыцарское звание. То, что подготовкой экономической реформы занимались физик и астроном, - не случайность: после бурного XVII века механистическое естествознание представлялось едва ли не единственной системой взглядов, свободной от корыстных интересов и потому заслуживающей всеобщего доверия.

Нужно сказать, что ученые того времени не оставались кабинетными затворниками. Так, Фрэнсис Бэкон не только был выдающимся философом и основателем экспериментальной науки, но и сделал карьеру государственного деятеля, поднявшись до постов лорда-хранителя печати и канцлера Англии. А идеи, легшие в основу реформы, предвосхитил еще в XVI веке Николай Коперник. Прославивший его имя трактат о вращении Земли вокруг Солнца был опубликован посмертно; при жизни же аббат Коперник занимал высокие административные должности при короле Пруссии и много писал о проблемах финансов. Он первым показал, какой вред приносит экономике стремление государства нажиться на выпуске монеты, и предложил меры, которые должны были упорядочить денежное обращение. Идеи Коперника не были приняты современниками, но полтора столетия спустя Великая перекейка стала началом коперниканского переворота в экономике. (О Великой перекейке, ее связи с механистическим естествознанием и ее влиянии на экономику Англии см. работы Ю. Л. Менцина (Монетный двор и Вселенная: Ученые у истоков английского промышленного чуда // Открытая политика, № 12 (26), декабрь 1997 г.; статья в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» в 1998 г.)

Суть этой реформы заключалась в том, что все ходившие в Англии порченые монеты были изъяты из обращения путем обмена их на вновь выпущенные полноценные деньги по номиналу, а не по весу, как это делалось прежде. Обмен был произведен полностью за счет казны и без девальвации национальной валюты - это обошлось стране в полтора годовых дохода, но позволило сохранить доверие к английскому фунту и населения, и иностранных кредиторов. Экономическая жизнь Англии оживилась, вырос сбор налогов, и всего за несколько лет затраченные на перекейку средства удалось вернуть.

Но вначале эти средства нужно было найти. Правительство взяло их в долг - были выпущены государственные долговые обязательства, по которым гарантировалась выплата процентов. После удачно проведенной финансовой реформы выпуск таких обязательств сделался систематическим. Государство, которое стояло за английскими ценными бумагами, было надежнее любого банковского дома, и проценты по ним выплачивались регулярно, хотя были невысокими. В эти ценные бумаги охотно вкладывали деньги не только англичане, но и иностранцы. Таким образом правительство смогло привлечь в страну свободные капиталы всей Европы, а приток денег, в свою очередь, способствовал быстрому подъему экономики.

Развитие производства в то время сдерживалось не только цеховыми запретами, но и ограниченными возможностями сбыта - покупать изделия ремесленников могли только те, кто имел для этого деньги. В Англии же, в отличие от остальной Европы, существовал значительный слой средних землевладельцев, которые вели эффективное товарное хозяйство: около 1650 года девять десятых всех земель страны принадлежало «джентльменам-фермерам» и свободным крестьянам. В совокупности этот слой мог бы потреблять гораздо больше промышленной продукции, чем королевский двор и аристократия любой из стран Европы.

Одним из самых популярных товаров, который привозили с Востока голландские и английские купцы, были хлопчатобумажные материи из Индии. Никто в мире, кроме индийских ткачей, не умел наносить на ткань многоцветные набивные орнаменты. Вначале это были традиционные местные рисунки, затем на ткани стали печатать также цветочные гирлянды и букеты по мотивам вышивок европейского барокко. Увлечение таким ситцем было особенно велико - им обтягивали стены комнат, обивали мебель, завешивали окна.

В Голландии и Англии также начинают делать подобные ткани. Они были идеальным товаром для среднего класса - практичным, красивым и при соответствующей организации производства недорогим. Но в Голландии их изготовление так и не вышло за рамки небольших семейных мануфактур, где использовался только ручной труд; в Англии же оно стало началом перехода к новой, индустриальной эпохе.

Еще до знакомства с хлопком в стране было множество текстильных мастерских, которые нередко располагались вне городов и, следовательно, не были

связаны с ограничениями цехового ремесла. И если в других странах ремесло по традиции существовало отдельно от торговли, то в Англии купцы выступали и в роли организаторов производства. Они размещали в городских и сельских мастерских заказы на изготовление продукции, снабжали их сырьем и инструментами, распределяли между ними технологические операции, так что отдельные мастерские становились частями единого целого - так называемой рассеянной мануфактуры.

Английские купцы-промышленники располагали значительными деньгами, к тому же в самой надежной валюте. Дух времени побуждал их интересоваться техническими новинками и усовершенствованиями, а деньги позволяли быстро внедрять эти новинки на производстве. В XVIII веке в текстильных мастерских появился усовершенствованный ручной ткацкий станок, а затем механическая прялка, которая заменяла сразу несколько десятков кустарей-пряильщиков, и механический ткацкий станок. Тканей производилось все больше, и все больше людей могли их покупать.

Настоящую же революцию в промышленности совершил Дж. Уатт, который изобрел паровую машину. Действительно новым в ней был не принцип действия - о том, что пар может быть движущей силой, знали еще в античности. Когда-то Герон из Александрии придумал устройство, в котором под действием струи пара вращался шарик. Если бы не потребности производства, машина Уатта осталась бы такой же забавной игрушкой; но когда ее соединили с прялкой и с ткацким станком, а потом и с другими станками, она изменила мир.

Вслед за текстильной промышленностью новое оборудование стало появляться и в других отраслях. Фабрики, на которых рядами стояли станки, приводимые в движение паровыми машинами, вытеснили прежние мануфактуры. Эти фабрики выпускали столько продукции, что раньше это и представить себе было невозможно. Началось другое время - время промышленного развития, технического прогресса, огромных изменений в жизни общества. Были изобретены железные дороги и пароходы, фотография и электрическое освещение, телефон и кинематограф, автомобили и самолеты, антибиотики и ядохимикаты, пластмасса и синтетические ткани, телевидение и компьютеры, подводные лодки и космические корабли, высотные здания и атомная бомба.

Едва ли не самым наглядным образом наступление нового времени отразилось в европейской мужской моде: на рубеже XVIII-XIX веков исчезают напудренные парики с косой, шелковые жюстокоры, богато украшенные вышивкой, кружева на рубашках и драгоценные пуговицы. На смену французскому придворному костюму приходит строгий костюм английского буржуа - сюртук и длинные брюки, сшитые из сукна темных цветов.

Известно, что вначале это новое время принесло много бед низшим слоям общества. Рабочим на фабриках платили мало, они недоедали, болели от переутомления, рано умирали. Но положение наемных работников в Англии всегда было тяжелым; с другой стороны, именно дальнейшее развитие промышленности вело к повышению уровня их жизни. Оборудование становилось все сложнее - чтобы его обслуживать, требовались опыт и высокая квалификация, а квалифицированному работнику нужно хорошо платить. А для расширения производства необходимо, чтобы число людей, которые покупают его продукцию, постоянно росло. Если средневековые ремесленники работали главным образом для знати, предприниматели ранней промышленной эпохи - для среднего класса, то теперь в круг потребителей должны входить и наемные работники. Улучшению условий жизни рабочих соответствовало и расширение их гражданских прав. К концу XIX века, после революций и классовых битв, в Западной Европе стало складываться так называемое «общество благосостояния». Впрочем, экономическая, политическая и социальная история этого времени - совсем другая тема.

Почему индустриальная эпоха началась именно в Англии? Британским островам не досталось природных богатств, которые можно было бы продавать за деньги, поэтому здесь поневоле пришлось развивать товарное производство. Слой независимых товаропроизводителей, который платил основную часть налогов на содержание государства, стал играть значительную роль не только в экономике, но и в политической жизни. В течение столетий, начиная с Великой хартии вольностей, в стране создавалось правовое государство, развивалась судебная система. Человек, воспитанный на английских законах, знал свои права и был готов бороться за их соблюдение. Очень рано в стране появился выборный парламент, который ограничивал верховную власть от имени подданных; чтобы участвовать в его работе, нужно было получить хорошее образование, овладеть навыками политического

красноречия - самой живой стороной античного наследия. Те, кто закладывал основы промышленной экономики, были не только предприимчивыми людьми, но и свободными личностями.

Из собственно экономических факторов, повлиявших на ее становление, нужно назвать прежде всего упорядочение хождения денег, которое было проведено на уровне самой передовой научной мысли своего времени. Великая перечеканка изменила финансовую жизнь Англии так же решительно, как когда-то переход от архаических расчетов в весовом серебре к монетной системе в Древней Греции. Появление государственной банковской системы сделало получение кредитов для предпринимательской деятельности доступным для гораздо более широкого круга людей, чем прежде, а возврат долга с процентами - более дешевым.

Благодаря таким изменениям в области финансов развитие международной торговли не привело к бегству капитала и кризису свободной экономики, как это случилось в античности; напротив, полученные от этой торговли доходы впервые в истории экономического развития стали направляться в производство. Расширять его позволило наличие в стране многочисленного среднего класса, который мог покупать промышленные товары. А поскольку купцов, занимавшихся организацией производства, не связывали средневековые цеховые ограничения, они были заинтересованы в применении все новых технических усовершенствований.

Экономическая система, сложившаяся в Англии XVIII века, стала качественно иной по сравнению с теми, которые существовали в современной ей абсолютистской Европе в остальных регионах, намного более эффективной и динамичной. Она позволила стране стать мировым экономическим лидером и, хотя роль такого лидера впоследствии перешла к Соединенным Штатам Америки, продолжает определять собой развитие всей мировой экономики.

Глава 11. **РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ**

Раннее русское государство - Киевская Русь - образовалось вдоль торгового пути «из варяг в греки», который шел по восточной окраине Европы. С севера, из Скандинавии и Прибалтики, везли на юг янтарь, меха и рабов, а с юга на север -

ремесленные изделия: стекло, ткани, драгоценные металлы. Купцы доставляли свои товары в греческие города Причерноморья и в Константинополь, в Хазарское царство на нижней Волге, по Каспийскому морю в Персию и на верблюдах добирались даже до Багдада.

Первое время варяги, которые основывали вдоль речного пути торговые города, и местные земледельческие общины жили рядом, не смешиваясь друг с другом. Местные жители еще не образовывали единого народа – здесь обитали финские, балтийские, восточнославянские племена.

Необходимости в существовании государства не было, пока торговые пути были достаточно безопасными - они проходили по малонаселенным лесным районам, а южнее по степям, где господствовали хазары, также заинтересованные в развитии торговли. Когда же с востока в степи внезапно появились другие кочевники - воинственные печенеги, варягов призвали «княжить и володеть» как военных специалистов, способных быстро навести порядок и организовать вооруженную защиту.

Славяне, предпочитавшие воевать в лесистой местности, были вооружены копьями и луками, а у дружинников-варягов были длинные мечи - весьма совершенное и грозное оружие. Лучшие из этих мечей изготавливались во Франции, и потому на Западе они были известны под названием франкских. Когда-то германцы побеждали с ними римские легионы по всей Европе, благодаря им возникла огромная империя Карла Великого. Французские короли под страхом сурового наказания запрещали продавать эти мечи в мусульманские страны. Но воинственные скандинавы беспрепятственно получали их от соплеменников, осевших во французской Нормандии, а затем и сами овладели искусством выплавки железа. Лет через сто после прихода варягов производство грозных мечей налаживается и на Руси.

В 882 году предводитель варяжской дружины Олег объединил под своей властью города, протянувшиеся вдоль всего пути от Ладоги до Киева. За короткий срок территория основанного им государства значительно расширилась и простиралась теперь от Балтийского до Черного моря. Становясь русскими князьями, варяги очень быстро ассимилировались - женились на местных девицах, называли детей славянскими именами, перенимали язык - и во втором-третьем поколении уже не отличались от славян.

Но на русскую жизнь наложило свой отпечаток то, что государственная власть не выросла постепенно из жизни земледельческих общин, а надстроилась над нею сверху. Тот самый порядок, ради которого призвали варягов, так и остался для Руси чем-то чуждым, «немецким», противопоставленным родной «воле». Министрам, полководцам, управителям барских усадеб неизменно ставили в упрек их немецкое происхождение, как и немецкое трудолюбие, немецкую аккуратность, немецкую добросовестность. А чего стоят постоянные подсчеты, сколько процентов немецкой крови было у царей династии Романовых!

В России не любят порядка, но почему-то любят тех, кто берется его наводить. Великие правители - это те, кто наводил порядок: Иван Грозный, Петр I, Сталин... Но, кроме них, был и Иван III, который объединял русские княжества путем дипломатических переговоров, а не вооруженного захвата. Практически единственной его военной кампанией было покорение Новгорода, и если первая победа над татарами русского войска во главе с Дмитрием Донским досталась ценой огромных людских потерь, то для окончательного освобождения при Иване III оказалось достаточно лишь демонстрации силы - «стояния на Угре». Именно этот великий князь пригласил из далекой Италии зодчих, которые построили самые величественные соборы московского Кремля. Он создал московскую Русь как новое сильное государство, не проливая потоки крови, - и мало кто помнит о его деятельности.

Пока торговля с Византией была успешной, русских князей объединяла необходимость совместной охраны торгового пути. Когда же торговля стала приходить в упадок, Русь начала терять не только территории, но и могущество. После того, как в XIII веке Константинополь разорили крестоносцы, торговый оборот с ним катастрофически упал, и охрана торгового пути потеряла прежнее значение. Как следствие этого, внутри Руси усилились княжеские междоусобицы, а южные степи были наводнены кочевниками.

Уже развитие древнерусского государства сопровождалось все большей эксплуатацией низших классов, а княжеские междоусобицы вели к разорению земель, к захвату тысяч пленников и обращению их в рабство. Количество свободных землепашцев и ремесленников, которые при благоприятном развитии могли бы стать ядром будущего среднего класса, постоянно сокращалось. Упадок на Руси начался

задолго до нашествия татар, а татарское завоевание еще сильнее опустошило эти земли и на двести лет практически изолировало их от Европы.

Россия унаследовала античную «высокую» культуру в другом составе, чем Запад. Весь западный мир от Норвегии до Пиренеев был латиноязычным, а изучение языка для духовенства означало и знакомство (пусть ограниченное) с авторами и светскими знаниями; была система университетского образования. В странах, заимствовавших православное христианство из Византии, с греческого на местные языки были переведены Писание и богослужебные книги. Но светские тексты переводились гораздо меньше, наследие античной культуры осталось почти совершенно неизвестным новообращенным народам, а тонкую прослойку образованного духовенства составляли греки по происхождению.

Запад пережил Возрождение, которое создало новый культурный синтез элементов античной культуры с народной. В России европеизация навязывалась сверху, и это не могло не привести к еще большему расколу общества. Престижная западная культура усваивалась без представлений о гражданском праве, частной собственности, философских учениях.

Основу средневекового государства составляло воинское сословие. Но в Европе все это сословие было объединено кодексом чести, хотя простого рыцаря от короля отделяло огромное социальное расстояние. На Руси дружина, войско полностью подчинялись князю и ничем не отличались в этом от других сословий. Образование на Западе получали в свободных университетах, и из них выходили люди так называемых свободных профессий; в России университеты имели статус императорских, и их выпускникам сразу присваивался чин в соответствии с Табелью о рангах, то есть они включались в чиновничью систему.

При Петре I стали развиваться промышленность и торговля, но, с другой стороны, вновь ограничивалась свобода выбора, усиливались эксплуатация низших классов и раскол общества. В результате из сложно структурированного общества сформировались два противостоящих друг другу слоя - европеизированное дворянство и крепостное крестьянство, нищее и бесправное. Простой народ не видел выхода из своего тяжелого положения: русские поговорки об отношениях с властью всегда горьки и безнадежны.

Наиболее масштабные реформы относятся ко второй половине XIX в. - было отменено крепостное право, создана банковская система, проведена судебная реформа и т.д. Но после гибели Александра II преобразования были свернуты под знаменательным лозунгом «наведения порядка». Даже половинчатые преобразования 1860-х годов позволили к концу XIX века достичь высоких темпов промышленного роста. Западные страны охотно предоставляли кредиты российскому правительству, а частные лица покупали российские облигации и акции. Однако в России, как это повелось еще при Петре I, развивались главным образом военная промышленность и связанные с ней отрасли. Огромные ресурсы - пашня и другие сельскохозяйственные угодья - оставались практически не вовлеченными в рыночную экономику. Основными предметами экспорта и в конце XIX века были сырьевые товары, а ввозились предметы роскоши. При этом основная налоговая нагрузка ложилась на аграрный сектор, и это закрепляло его отсталость. По объемам производства валового внутреннего продукта многонаселенная Россия достигла уровня экономически развитых стран, а по его величине на душу населения значительно отставала.

Большим препятствием для развития страны всегда была имперская политика. Постоянные военные кампании требовали отвлечения огромных ресурсов, присоединение более отсталых регионов также задерживало развитие рыночных отношений. За участие в Русско-японской войне России пришлось расплачиваться революцией 1905 - 1907 гг. Кроме того, Николай II был вынужден отказаться от неограниченной власти и разрешить земельную реформу. В 1908 г., после захвата Боснии Австро-Венгрией, премьер-министр П. А. Столыпин сумел удержать царя от очередной военной кампании, но участие в Первой мировой войне стало для нашей страны роковым.

Глава 12. **СОЦИАЛИЗМ В СССР**

Большевики пришли к власти на волне экономического кризиса и всеобщей усталости от затянувшейся войны. Многие из их вождей не получили полноценного образования и не имели опыта серьезной работы: например, В. И. Ленин окончил юридический факультет университета экстерном и в качестве адвоката вел всего одно

незначительное дело, причем выиграть процесс не сумел. Поэтому они считали, что построить общество, в котором не будет угнетения, можно быстро и просто. Для этого достаточно заменить руководство заводов и фабрик представителями «сознательного пролетариата». И в управлении государством, заявляли они, должна участвовать каждая кухарка.

Убеждение, что управлять производством или государственными делами сумеет любой, унаследовано от демократического строя античных Афин. Но те рабочие, к которым обращались большевики, были горожанами в первом-втором поколении. Они уже утратили связь с крестьянской общиной, но и городской мир оставался для них чужим. Из-за своей малограмотности они тоже были склонны к простым решениям, и их мышление было вовсе не демократическим.

Вначале большевики собирались упразднить то, что представлялось им источником неравенства, - частную собственность и деньги, а ресурсы и ценности распределять «по справедливости». Заводы и фабрики были национализированы. Вместо денег зарплату стали выдавать натурой - чаще всего товарами, которые производило само предприятие, или же спичками, нитками, ситцем. Денежная часть зарплаты постоянно сокращалась, а натуральная увеличивалась: если в 1918 году она составляла в среднем 20%, то в 1920-м - 93%. Была отменена оплата жилых помещений, плата за пользование коммунальными услугами, электричеством и городским транспортом. Для рабочих и служащих организовывались сети бесплатного питания. Бесплатными стали почта, телефон, телеграф, бесплатно отпускались лекарства из аптек, книги, газеты и журналы.

Последствия не заставили себя ждать. Производительность труда падала, потому что исчезла заинтересованность в его результатах. Объем промышленного производства за первые годы новой власти снизился в несколько раз. Транспорт, здания и коммунальное хозяйство быстро изнашивались. Сокращались товарные запасы, находившиеся в распоряжении властей, население было вынуждено переходить на прямой обмен вместо денежных расчетов. Для того, чтобы кормить горожан и армию, вооруженные продотряды изымали у крестьян зерно. В ответ крестьяне сами брались за оружие.

Хозяйственная разруха и непрекращавшиеся восстания заставили большевиков восстановить денежное обращение. Но «новая экономическая политика» оказалась не

возвращением к нормальной экономике, а лишь временной уступкой. Укрепив с ее помощью свою власть, советское правительство вновь стало ограничивать товарно-денежные отношения и усиливать административный контроль над экономикой. В 1926 г. был запрещен свободный обмен иностранной валюты на внутреннем рынке, а позднее и вывоз рублей за рубеж. Вводилась монополия на внешнюю торговлю, а государство объявлялось единственным законным владельцем иностранной валюты.

Свертывание товарно-денежных отношений должно было привести и привело к тому, что экономика перестала быть саморегулирующейся. За распределением товаров и ресурсов должен был следить огромный партийно-хозяйственный аппарат. Всеобъемлющий контроль создавал иллюзию всевластия, и коммунистическое руководство решило, что теперь оно сможет добиться своей цели - быстро превратить СССР в передовую страну.

В то время уровень экономики и промышленного развития было принято оценивать по таким базовым показателям, как добыча угля, нефти и руды, выплавка чугуна и стали, выпуск станков, сельскохозяйственной техники и оружия, объем железнодорожных перевозок и строительных работ. Это можно сравнить с тем, что о здоровье человека судят по нормальной температуре и отсутствию болевых ощущений. Но, если человек болен, он не станет здоровым оттого, что ему собьют жар таблетками, заглушат боль и отправят его бежать стометровку.

В СССР стали добиваться высоких показателей роста промышленности. И в самом деле, в 30-х годах рост был впечатляющим - до 10 - 15% в год по данным независимых исследователей. Эти цифры производили большое впечатление, особенно если учесть, что в Германии только что закончилась череда кризисов, а в США - Великая депрессия. Но в результате этих мер восстанавливался дореволюционный технологический уклад, а другие индустриальные страны в это время переходили на новые технологии.

Объемы выпуска продукции стали определяться техническими возможностями; об экономической целесообразности никто не думал. Десятки тысяч рабочих строили новые тракторные и авиационные заводы, Магнитку, Туркестано-Сибирскую дорогу. Они жили в бараках и землянках, были плохо одеты и не всегда сыты, у большинства из них не было никакой квалификации.

В чиновничью экономику никак не вписывалось существование независимых крестьян, которые вели хозяйство на своей земле. Поэтому была проведена насильственная коллективизация - через полвека после того, как в России отменили крепостное право, большинство населения вновь превратилось в полурабов. А еще ниже их стояли настоящие рабы. Репрессии были важной частью экономической системы - и не только потому, что они поставляли рабочую силу для самых тяжелых производств и самых суровых районов. Для этого была еще одна причина: там, где перестали играть свою роль деньги, главным способом управления неизбежно должны были стать страх и угроза наказания. Поскольку причиной возникавших трудностей нельзя было считать политику руководства, требовалось найти других виновных. И их находили - «буржуазных спецов», иностранных шпионов, «кулаков», «троцкистско-бухаринских бандитов» и так далее. Лагерный срок можно было получить и за опоздание на работу или за рассказанный анекдот.

Колхозники и заключенные были исключены из денежной экономики. Но и в тех отраслях хозяйства, где деньги сохранились, было сделано все, чтобы ограничить их действие. К 1930 году было разделено наличное и безналичное денежное обращение. Наличные деньги обслуживали потребительский рынок, безналичные были предназначены для расчета предприятий между собой и с управляющими органами.

Безналичные деньги были почти полностью лишены свойств настоящих денег - на них ничего нельзя было купить без разрешения. Власти обеспечивали предприятия сырьем, сами распределяли готовую продукцию и сами за нее платили. На вырученные деньги можно было приобрести только то, что посчитали нужным «наверху», и нередко получалось так, что завод или НИИ имели возможность купить дорогостоящие приборы, но при этом не могли купить гвоздей или досок. Безналичные платежи просто сопровождали получение или отправку товаров и оказание услуг. Подобным же образом выделялись деньги на капитальное и жилищное строительство, на социально-культурные и другие нужды.

От предприятий в первую очередь требовалось выполнять государственный план. Ради его количественных показателей приносили в жертву все остальное - качество продукции, расход сырья и энергоресурсов, охрану труда и окружающей среды. Производители стали наращивать объемы выпуска испытанным способом - за

счет сокращения номенклатуры товаров и снижения их качества. Конкурентное преимущество получили крупные предприятия-монополисты, которые быстро вытеснили мелких производителей.

Плановая система усложнила производственные процессы: просто купить расходные материалы было нельзя, и малейший сбой запланированных поставок грозил остановкой. Чтобы не зависеть от внешнего мира, промышленные предприятия стали стремиться к самодостаточности. Они обрастали собственными ремонтными, коммунальными, телефонными службами, ведомственными жилыми домами, детскими садами и санаториями.

Производство потребительских товаров и услуг стало выпадать из технологических цепочек - предприятиям было легче «сделать план» в тоннах выплавленного металла, кубометрах извлеченных руд и перемещенного грунта и т.п. Экономика социализма работала в значительной степени сама на себя - ради высоких показателей. Государственная промышленность в изобилии производила вещи низкого качества, а тех товаров, которые действительно пользовались спросом, всегда недоставало. Избыток мог быть легко реализован за счет поставок по указанию властей, но дефицит - то постельного белья, то мыла, то обоев, то швейных ниток - стал настоящей язвой социализма. В нашей стране деньги гонялись за товарами, а не наоборот, как это бывает в нормальной экономике. Лучше всего это было видно на потребительском рынке: ведь государственное предприятие проще заставить купить некачественный товар за выделенные государством финансы, чем обывателя - за собственную зарплату.

Ликвидность наличных денег, которые обслуживали потребительский рынок, была выше, чем безналичных, но и она была максимально ограничена. Практически единственным путем поступления наличности в оборот была заработная плата, которую платило государство. Рядовые граждане могли подрабатывать - государство закрывало на это глаза. Но частнопредпринимательская деятельность, как и «тунеядство», и «распространение заведомо ложных слухов», то есть несогласие с официальной точкой зрения, считались преступлениями, за которые можно было привлечь к уголовной ответственности почти любого.

Большую часть своих доходов советские люди тратили на продукты питания, как в слаборазвитых странах. Выбор товаров на прилавках магазинов был очень

скудным, менять рубли на валюту, а тем более вывозить их за границу было строжайше запрещено. План производства потребительских товаров и услуг верстался таким образом, чтобы обеспечить ими весь объем выдаваемой в зарплату наличности. У людей не было выбора, и им приходилось покупать продукцию монополистов, пользоваться услугами только тех больниц и отдавать детей только в те школы, к которым они были приписаны. И на межличностном уровне прямой обмен товарами и услугами (пресловутое советское «ты - мне, я - тебе») вытеснял товарно-денежные отношения.

Сдерживать инфляцию при высоких темпах роста удавалось за счет административного назначения «твердых» цен. Избыток наличных денег нейтрализовался также за счет денежных «реформ» и принудительно распространяемых облигаций и лотерей. Деньги, предназначенные для крупных покупок, население несло в государственные сберкассы. К 1985 г. вклады в них достигли 220 млрд. руб., что примерно равнялось объему годовой зарплаты всех работающих граждан страны, или почти 300 млрд. долларов при пересчете по официальному курсу.

При этом товары длительного пользования - автомашины, бытовую технику, мебель, квартиры - можно было приобрести, как правило, лишь через многолетнюю очередь в списках по месту работы; иными словами, государство создало искусственную систему отложенного спроса. Очереди на получение квартиры, дачного участка, где можно выращивать овощи и картошку для пропитания, на покупку автомашины, мебели удерживали людей на рабочих местах гораздо сильнее, чем зарплата. Свободному перемещению рабочей силы препятствовала и система прописки, то есть принудительного закрепления людей по месту жительства.

По месту работы распределялись и дефицитные продовольственные товары, начиная от вареной колбасы для простых людей где-нибудь на Урале и заканчивая деликатесами для начальства. Но сделать карьеру, которая открывала доступ к закрытому спецраспределителю с дефицитными товарами, можно было только с партбилетом в кармане. Угроза потерять полагающиеся по рангу блага заставляла номенклатурных чиновников быть послушными винтиками системы. Впрочем, существование и самой номенклатуры, и ее привилегий никогда официально не

признавалось. «Простой советский человек» должен был думать, что власть в стране и «общенародная собственность» принадлежат ему.

Итак, попытка строить хозяйственную жизнь и политику командно-репрессивными методами привела к закономерному результату: «самое передовое общество» стало напоминать древневосточную деспотию. Превратить Советской Союз в развитую индустриальную страну в действительности не удалось. Его экономика еще в большей степени, чем до 1917 года, основывалась на проедании ресурсов. Источником доходов государства было не производство внутри страны, а прежде всего экспорт сырья - нефти, газа, древесины. Вывозились за рубеж музейные ценности, миллионы людей были загублены непосильной работой в лагерях.

Государство вело гигантские стройки - часто не более полезные, чем египетские пирамиды, - и копило «золотой запас» не ради экономической целесообразности, а для демонстрации своей мощи. Экономические расчеты и официальные цифры Госкомитета по статистике подбирались так, чтобы показать всему миру высокие темпы развития, а статистические данные о реальном положении в народном хозяйстве были государственной тайной, за разглашение которой карали в уголовном порядке.

Огромные средства направлялись на военные нужды. Только благодаря этому могли развиваться наука и высокие технологии. Однако свобода научной мысли была предоставлена только физикам и математикам, все остальные области находились под идеологическим контролем. А самым низкоэффективным было сельское хозяйство. В этом сказывались и последствия коллективизации, и разгром биологической науки в 40-х годах. На уборку урожая в «подшефные» хозяйства каждую осень принудительно посылали рабочих, служащих, студентов. Но ценные ресурсы отпускались селу в последнюю очередь, и зарплаты там были самими низкими даже тогда, когда труд колхозников стал оплачиваться деньгами.

Рост личного потребления и жилищного строительства был мало заметен. Одежда и обувь, мебель и бытовая техника использовались до полного износа (как и оборудование в промышленности). Официальная пропаганда стремилась воспитывать людей так, чтобы они ничего не требовали для себя: «скромность в быту» объявлялась добродетелью, а «вещизм» и «мещанство» неизменно осуждались.

И в то же время на все общество распространилась бессмысленная расточительность. Количество промышленных и бытовых отходов на единицу произведенной продукции или душу населения у нас было во много раз больше, чем в развитых странах. Предприятия преспокойно отправляли в отвал руду с высоким содержанием редких металлов, для производства бетона могли использовать щебень, содержащий изумруды, сопутствующие нефтепродукты попросту сжигали. А у себя дома советский человек мог по полдня охлаждать бутылку дефицитного пива под струей воды из крана или целый вечер жечь газ на кухне, чтобы не тратить единственную лишнюю спичку.

В период «оттепели» в конце 50-х годов наметился отход от казарменного социализма сталинского времени. Хотя внутренняя экономическая политика мало изменилась, советскую хозяйственную систему попытались сделать более эффективной. Были сокращены огромные расходы на оборону, сняты некоторые ограничения хозяйственной деятельности, появились хозрасчетные подразделения и целые предприятия. Было развернуто строительство жилья - недобрым словом поминаемые теперь дешевые пятиэтажки позволили миллионам советских людей выбраться из перенаселенных коммунальных квартир. Больше стали выпускать потребительских товаров, в квартирах появились холодильники, телевизоры, стиральные машины.

На международной арене СССР выступал в качестве субъекта рыночной экономики: правительство заключало договоры о поставках товаров, о получении и предоставлении кредитов. Правда, экономическое сотрудничество с развитыми капиталистическими странами расширилось в основном за счет экспорта сырья и импорта потребительских товаров и зерна. Даже «железный занавес» на границе перестал быть непроницаемым. Некоторые из советских людей - чиновники, известные артисты - стали ездить за границу.

Советский рубль стал более ликвидным, больше похожим на деньги. Это отразилось в росте инфляции, хотя ее существование официально не признавалось: подорожали товары на продовольственных рынках, выросли цены на изделия из золота и серебра, на кооперативные квартиры. Появились подпольные торговцы дефицитными товарами - «фарцовщики» - и теньевые предприниматели-«цеховики»; впрочем, государство неустанно преследовало и тех, и других.

После 1964 года руководители Советского Союза уже не собирались строить коммунизм. Они просто стремились как можно дольше удержаться у власти. Либеральные тенденции вновь стали подавляться, но для поддержания стабильности в стране населению обеспечили прожиточный минимум. Поддерживать его удавалось за счет ускоренной, хотя и не обоснованной экономически, разработки нефтегазовых месторождений. Повышение валютных поступлений за счет роста мировых цен на энергоносители создавало иллюзию развития, а манипуляции с ценами и валютным курсом позволяли демонстрировать зарубежным специалистам вполне приемлемый уровень жизни в стране.

Хозяйственная система социализма была, пожалуй, и не рассчитана на понимание; действовать в ней удавалось потому, что эта система была привычной. Но уже в семидесятых годах появились явные признаки кризиса: даже согласно советской статистике, учитывавшей нереализованный выпуск никому не нужной низкокачественной продукции и всевозможные приписки, экономический рост почти прекратился, а долги государства западным партнерам постоянно росли. Падение же мировых цен на нефть в первой половине 80-х годов вызвало резкое сокращение валютной выручки, без которой советская экономика уже не могла существовать.

Проявления кризиса экономической системы СССР затронули интересы, наконец, не только населения, но и власти. Попытки оздоровления экономики административными методами в 1985-86 гг. (антиалкогольная кампания и борьба с «нетрудовыми доходами») не дали положительного эффекта, а наоборот, привели к возникновению налично-денежного (кассового) дефицита - наиболее острой формы бюджетного дефицита. Затем руководство страны решило воспользоваться историческим опытом и вновь прибегнуть к мерам, которые в свое время обеспечили успех НЭПа. Однако это было сделано поспешно и непродуманно.

Отказ от одного из главных рычагов управления советской экономикой - централизованной поставки сырья предприятиям - делал систему более гибкой. Но разрешение бесконтрольной предпринимательской деятельности в 1987 г. привело к совершенно иным результатам - появившиеся во множестве рядом со все еще государственными предприятиями «кооперативы» получили возможность буквально «делать деньги из воздуха» - перепродавать дефицитную продукцию по намного завышенной цене и обналичивать неликвидные безналичные деньги.

Не решаясь провести денежную реформу или предпринять какие-либо иные экономически эффективные действия, правительство СССР просто покрывало кассовый дефицит с помощью печатания денег, увеличивая денежный навес и инфляционные ожидания. Этим воспользовались лидеры нескольких республик, которые начали выпускать параллельные деньги - это дополнительно обесценивало советские рубли и лишало центральную власть второго главного рычага управления экономикой.

В 1991 г. были изъяты из обращения 50- и 100-рублевые купюры и почти втрое повышены цены на основные потребительские товары, в том числе и на продовольственные. Но эти попытки решения финансового кризиса опять-таки административными методами окончательно продемонстрировали неспособность руководства СССР управлять экономикой. Экономический кризис, в свою очередь, перерос в политический - пришлось отменить «руководящую роль партии», и закончилось это сменой власти и распадом Советского Союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ВОЗМОЖНА ЛИ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ?

Заклинание о том, что «невидимая рука рынка сама все расставит по местам», в России так и не сработало. Более того: оно и не могло сработать! «Невидимая рука рынка» может действовать только там, где имеются соответствующие условия – прежде всего правовые и политические. Если же устройство общества и общественное сознание соответствуют нерыночной экономике, а реформы, пусть даже по самым «правильным», передовым, исключительно научным рецептам, проводятся только в области экономики, они ведут к совершенно другим результатам.

Мы не откроем ничего нового, если скажем, что одной из важнейших движущих сил естественного развития человеческого общества на протяжении многих тысячелетий являются отношения власти и подчинения. Эти отношения намного старше самого человечества и его экономики, и их аналоги можно найти в дикой

природе. Так, в стаде павианов доминирующие самцы имеют право на лучшие куски пищи, которые они отбирают у тех, кто стоит ниже на иерархической лестнице. Но ради поддержания своего статуса доминанты регулярно одевают едой приближенных, иногда кое-что перепадает и остальным.

Этолог В. Р. Дольник рассказывает об экспериментах, в ходе которых обезьян в зоопарке обучили зарабатывать своим трудом жетоны - за них можно было получить в торговом автомате лакомства, выставленные за стеклом (с. 237). «Общество» сразу расслоилось: одни зарабатывали, другие попрошайничали у автомата, а доминанты предпочитали грабить подчиненных. У тружеников обнаружилось две стратегии поведения: запасливые работали впрок и копили жетоны, тратя их экономно, а беспечные как заработают жетон, так сразу и проедают. Но спустя некоторое время трудолюбивые и запасливые обезьяны первой группы, которых грабили доминанты, отчаялись и тоже стали работать ровно за один жетон и тут же его тратить.

В человеческом обществе были выработаны гораздо более сложные формы власти, но суть их долгое время оставалась такой же. Были в истории случаи, когда властям удавалось реализовать крайний вариант «естественной» экономики - почти все произведенное распределять по своему усмотрению. Но эти общественные системы оказались очень неустойчивыми и быстро рухнули, хотя потомки впоследствии могли почитать их как идеальный образец. Такими были царство Третьей династии города Ура (Междуречье Тигра и Евфрата, конец III третьего тысячелетия до н.э.), древнегреческие государства-дворцы Микенского периода (II тысячелетие до н.э.); очень похожим на эти общества глубокой древности был и «военный коммунизм» в начале большевистской диктатуры.

Разумеется, в большинстве случаев традиционное общество не оказывается настолько поглощенным системой власти, и почти всегда в нем существуют элементы и обычного товарного обмена, и социальной защиты. Но смыслом жизни такого общества является не развитие, а противодействие развитию, поддержание существующего порядка вещей, и потому даже наиболее успешные цивилизации после короткого периода расцвета пусть медленно, но неизбежно приходили в упадок.

Современная же рыночная экономика является частью общественного устройства, представляющего собой отклонение от такого традиционного, «правильного» общества.

Напомним, философ М. К. Петров предложил концепцию, согласно которой на протяжении истории человечества сменяют друг друга три типа общества. Каждому из них соответствует свой культурный код, охватывающий все стороны жизни - религиозные представления и правосознание, отношения родства и технологические навыки. Универсально-понятийный код, противопоставленный кодам первобытного и традиционного цивилизованного общества, был впервые выработан в Древней Греции; именно этот код стал основой блестящей античной цивилизации.

Сохранившись в системе образования и письменной культуре, этот код стал основой европейской культурной матрицы, и благодаря его усвоению в Европе впоследствии вновь возникло общество с рыночной экономикой и демократическим строем, стали возможными научная революция и технический прогресс, благосостояние и бытовые удобства.

Хотелось бы обратить внимание на то, что ключевым фактором общественных изменений оказываются изменения в межличностных отношениях. Переход от традиционного общества, которое скрепляется прежде всего доминированием и подчинением, к обществу с рыночной экономикой стал возможен, поскольку возникло представление о равных правах его свободных членов. Результатами же этой революции в межличностных отношениях стало появление полноценной денежной системы и значительного слоя независимых производителей в области экономики, независимого суда – в области права, выборной и сменяемой власти - в области государственного устройства, возможности обучения грамоте и получения образования для любого человека – в области культуры и т. д.

Вопросы о том, нужна ли нам рыночная экономика и возможна ли она в нашей стране, продолжают оставаться исключительно актуальными для России. Правда, говорят об этом главным образом политики и журналисты, и громче всего – те из них, кто считает рыночную экономику и прочие западные ценности ненужными для России и несовместимыми с ее «особым путем развития».

Но в чем состоял этот «особый путь», если рассматривать его с чисто экономической точки зрения? С самого начала на развитие России влияли два обстоятельства. Во-первых, в Европе (как, впрочем, и в Азии) Россия всегда была окраинной страной, ориентированной на экспорт природных ресурсов. Благодаря изобилию этих ресурсов ее правители и знать могли позволить себе в престижном

потреблении не отставать от более развитых соседей, а иногда и превосходить их, - и при этом совершенно не заботиться об уровне жизни основного населения, поскольку от этого уровня для нее ничего не зависело. Во-вторых, производящее хозяйство на обширных и малонаселенных территориях Восточно-Европейской равнины базировалось на подсечно-огневом земледелии. А хозяйственная система, основанная на этом экстенсивном способе, развивает у работника умение выживать в самых суровых условиях, довольствоваться малым, не выделяться из общей массы и подавляет противоположные качества.

Благоприятные условия для развития экономики складывались и в до- и послереволюционной России неоднократно - например, после объединения русских княжеств вокруг Москвы при Иване III, после Великих реформ с отменой крепостного права, во время НЭПа. Но экономический подъем обычно заканчивался ростом налогов и усилением поборов со стороны чиновников, или же очередной военной кампанией. А когда задачу добиться ускоренного экономического развития ставила сама власть, она добивалась этого, как правило, силовыми методами - иначе говоря, это развитие мыслилось только в условиях доминирования-подчинения, которые характерны для первобытнообщинного строя и традиционного сословного общества.

К сожалению, в 90-х годов прошлого века преобразования опять оказались половинчатыми - впервые за долгие годы была разрешена частнопредпринимательская деятельность, но система бюрократической власти мало изменилась по сути. За чиновниками фактически осталось право отнимать частную собственность, прикрываясь интересами государства.

Свою роль в сворачивании реформ сыграло то, что после нескольких лет падения вновь взлетели мировые цены на экспортируемые энергоресурсы - так, нефть подорожала с 9 долларов за баррель в 1998 г. до почти 150 в 2008 г. Средства, полученные от продажи природного сырья, дают людям при власти возможность и повысить свой жизненный уровень, и сделать зависимым от государства большинство населения. Предприниматели - они же налогоплательщики - вынуждены существовать в условиях постоянной зависимости от чиновничьего всевластия. Их доходы изымаются и легальными способами (рост налогов, тарифов на коммунальные услуги и электроэнергию, стоимости аренды помещений и торговых мест), и полулегальными (всевозможные проверки налоговыми органами, милицией,

пожарниками и др.), и почти криминальными (рейдерские захваты предприятий, обычно с молчаливого согласия властей).

В результате в очередной раз так и не сложился массовый слой предпринимателей-собственников, то есть средний класс, соответственно не могли сформироваться финансовая система и система экономического образования, то есть так и не совершился переход от «нормального» традиционного общества к следующей фазе развития.

Исторический опыт показывает, что ни одна страна не может долго существовать за счет экспорта невозобновляемых ресурсов – рано или поздно или рост цен на них остановится, или их запасы исчерпаются. Еще некоторое время можно прожить за счет накопленных резервов, но дальше система сырьевой экономики рискует вновь обрушиться вместе с системой власти.

Можно ли избежать такого обрушения? Вероятно, да - но только в том случае, если нынешняя «вертикаль власти» (иначе говоря, архаические отношения доминирования-подчинения) уступит место равноправному и взаимовыгодному партнерству между властью и субъектами экономики, когда в обмен на уплату налогов (в разумных размерах) государство будет обеспечивать правовые и экономические условия для нормальной деятельности предприятий, а также признает личные права граждан не только на словах, но и на деле.

Ради успешного экономического развития в современном мире эти правила игры вынужден принимать даже Китай – типично азиатская страна с тысячелетними традициями жесткой власти. Но есть ли силы, способные потребовать и добиться такого партнерства, в нашей стране? К сожалению, на этот вопрос у нас нет ответа. Можно с уверенностью утверждать только одно: мир продолжает развиваться, и чем дольше мы отказываемся присоединяться к этому развитию, тем более тяжелыми будут для нас последствия такого отказа.

При подготовке рукописи были использованы, в частности, следующие источники:

Акимушкин И. И. Мир животных. В 4-х т. М.: Мысль, 1999.

Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине.

М.: Наука, 1987.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: 1991.

- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
- Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. М.: Издательство «Евразия», 1995
- Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция. М.: «Греко-латинский кабинет»
Ю. А. Шичалина, 1995.
- Дьяконов И. М.* Люди города Ура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
- Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990.
- Иванов Вяч. Вс.* Нейросемиотический подход к знаковым системам искусства. /
Человек в системе наук. М.: 1989. С. 351 - 361.
- История первобытного общества.* В 3-х т. М.: Наука, 1983-88.
- История древнего мира.* В 3-х т. (под ред. И. М. Дьяконова). М.: Наука, 1989.
- Йегер В.* Пайдейя: Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). М.: «Греко-латинский кабинет»
Ю. А. Шичалина,, 1997.
- Кульпин Э. С.* Человек и природа в Китае. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Липс Ю.* Происхождение вещей. Смоленск: Русич, 2001.
- Липсиц И.* Экономика без тайн. М.: Дело, 1993.
- Лойберг М. Я.* История экономики. Учебное пособие для вузов. М.: Инфра-М,
1997.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Издательская группа
«Прогресс», «Универс», 1994.

- Мамардашвили М. К.* Европейская ответственность. / Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Культура», 1992. С. 311 - 314.
- Медведев А.* Когда в России начнется экономический рост. - Открытая политика, № 1/1998, с. 22-34.
- Менцин Ю. Л.* Монетный двор и Вселенная: Ученые у истоков английского промышленного чуда // Открытая политика, № 12 (26), декабрь 1997 г.
- Ночевкина Л. П.* Будет ли в России «экономическое чудо»? М.: Стрелец, 1999.
- Одиссей: Человек в истории.* 1999. Трапеза. М.: Наука, 1999.
- Петров М. К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1995.
- Петров М. К.* Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
- Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М.: 1994.
- Сото Э. де.* Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2001.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ» », 1998.
- Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008
- Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
- Ясин Е. Г.* Как поднять экономику России. М.: Вита-пресс, 1996.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

Приглашаем к следующему изданию всех желающих. Нас интересуют как письменные материалы, вписывающиеся в контекст нашей книги (ряд дополнительных глав нами уже написан), так и производственные мощности для минимизации издержек публикации и финансирование в любом виде.

Ваши предложения посылайте по адресу: a.medvedev538@yandex.ru

Александр Медведев

Елена Медведева